

ОТ СОЗДАТЕЛЯ
КИЛЛЕРБОТА

ПУЧИНА СИРЕНЬ

МАРТА

КНИГИ РАКСУРА

ЧЭЛЛС

fanzon

Книги Раксура

Марта Уэллс

Пучина Сирены

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уэллс М.

Пучина Сирены / М. Уэллс — «Эксмо», 2012 — (Книги Раксура)

Финалист премии «Хьюго» за лучшую серию. До встречи с раксурой, собственной расой, Лун был вынужден путешествовать в одиночестве по Трем Мирам, скрывая свой истинный облик. Теперь он нашел собственное место, став супругом Нефриты, королевы-сестры двора Тумана Индиго. Но спустя время в их отношениях появляются недомолвки. Лун отправляется в соседнее королевство, еще не подозревая, что там ждут давно позабытые тайны из его прошлого и встреча со старым врагом, который все еще жаждет мести. А хищная раса Сквернов решает использовать Раксура в неких магических целях, ведомая древним голосом, доносившимся из Пучин Сирен... «Этот роман — необычная, увлекательная и оригинальная история. Вы останетесь под впечатлением от непростых персонажей, захватывающего сюжета и неповторимого слога». — RisingShadow.net «По-настоящему изобретательное и яркое воображение в сочетании с запоминающимися персонажами делают “Книги Раксура” одной из моих любимых фантастических серий всех времен». — Кейт Эллиот «Марта Уэллс пишет настоящее фэнтези — пронзительное, выразительное и поразительное». — Кэмерон Херли «Эти книги написаны на самом высоком уровне, а учитывая их размах, оригинальность и многогранность, у них есть все шансы стать знаковыми в своем жанре». — Adventures Fantastic «Цикл о Раксура отличается насыщенностью и сложной структурой, действительно удивительным построением мира и нечеловеческими персонажами, которые с одной стороны чужды, а с другой понятны и вызывают симпатию». — Келли Маккалоу «Здесь так много всего интересного: несколько видов разумных существ, живущих в одном мире (но не всегда), со сложными социальными ролями, сильно различающимися обществами и разными технологиями. Это строгое фэнтези без атрибутов европейского Средневековья. Но самое главное — это захватывающая история». — Стивен Гулд «В этой книге есть фирменное миростроительство Уэллс, правдоподобное развитие персонажей и остроумный авторский голос. У меня нет слов, чтобы объяснить, насколько реальным кажется мир, в котором каждая раса, город и культура имеют

настолько тщательно прорисованную историю, что они живут даже вне сюжета». — Патрис Сарат «Уэллс остается захватывающим рассказчиком, чья чистая проза, продуманный сюжет и остроумные, располагающие к себе персонажи должны особенно понравиться тем читателям, которые ценят произведения Джона Скальци и Лоис Макмастер Буджолд». — *Strange Horizons*

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Уэллс М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Марта Уэллс Пучина Сирены

Martha Wells

The Siren Depths

Copyright © 2012 by Martha Wells

Опубликовано с разрешения автора и его литературных агентов: Литературное агентство Дональда Маасса (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия) Cover art by Steve Argyle

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

© В. С. Юрасова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Посвящается Тройсу Уилсону.

Спасибо, что верил в меня.

Глава 1

– Путь неблизкий, – заметил Лун. Он прошелся по широкой ветви, цепляясь пяточными когтями за грубую кору. В свежем, прохладном утреннем воздухе блестели зеленоватые лучи рассветного солнца, *проникавшие* через пышную крону исполинского дерева. – По-моему, ты берешь слишком много арборов. – Лун пытался придумать хоть какую-то причину, чтобы отменить путешествие, но ничего лучше ему в голову не приходило.

– Я и сам знаю, что беру слишком много арборов. – Утес в земном облике сидел на ветви и разглядывал летучие корабли, парившие внизу. – Только ты попробуй скажи им об этом.

Корабли пришвартовали к одной из самых больших садовых платформ дерева, чтобы на них было проще погрузить припасы. Оба судна принадлежали обитателям Золотых островов; их длинные изящные корпуса были сделаны из покрытого лаком дерева, а паруса складывались, как веера, к единственной мачте. Два корабля могли вместить в себя весь двор Тумана Индиго, но в обратный путь на них собирались отправиться лишь четверо арборов, которые возбужденно ждали нового путешествия, шестеро воинов, которые смирились со своей участью, и один нетерпеливый земной обитатель.

На кораблях и под ними, на поросших травой платформах, собралась небольшая толпа – в основном ее составляли арборы, которые таскали в трюмы провизию, заканчивали что-то ремонтировать или прощались с путешественниками. Несколько воинов летали вокруг мачт, чтобы не путаться под ногами.

– Я еще могу понять, зачем ты берешь Почку, – продолжал рассуждать Лун. Ниран, земной обитатель, семье которого принадлежали эти суда, во время долгого путешествия к Пределам научил Почку управлять самым маленьким из них, «Индалой». Теперь Почка должна была повести ее в еще более длительное путешествие обратно к Желтому морю. А когда корабли вернутся на Золотые острова к семье Нирана, Утес и остальные отправятся домой сами, и воины понесут бескрылых арборов. – Но зачем летят остальные?

– Почке нужна компания. И Нирану тоже. – Утес распрямил свои длинные ноги и поднялся. В земном обличье он был худым и высоким, как Лун и как большинство окрыленных ракура. Зрачок одного его глаза покрывало бельмо, и сам Утес был настолько стар, что его кожа и волосы стали почти белыми. Еще он носил серую одежду – штаны и свободную рубаху. – И мне. Не хочу провести весь путь в этих летучих корзинах с одними лишь воинами.

Утес был чудаковатым и угрюмым, он утаивал от Луна правду, чтобы уговорить его полететь на другой конец Трех Миров, – и все же Луну не хотелось отпускать его, как не хотелось потерять крыло. Кроме них при дворе не было других взрослых консортов, и Лун тоже нуждался в компании и поддержке. А Утес был ему почти как отец, ну или хотя бы как близкий родич. Луну казалось, что он хорошо скрывает свои чувства, но праотец обладал неприятной способностью угадывать, о чем думают другие. Вот и сейчас Утес глянул на него, и в здоровом глазу старика заплясали веселые искорки. Он сказал:

– Я скоро вернусь.

Не успел Лун ответить, что ему совершенно наплевать, когда Утес вернется, старик переменялся, спрыгнул с ветви и, расправив крылья, скользнул вниз, к летучим кораблям.

В крылатом облике Утес был огромен; размах его крыльев втрое превосходил размах крыльев Луна. Консорты и королевы ракура с возрастом становились больше, а Утес был очень стар. Стар и достаточно опытен, чтобы сначала сопроводить корабли и Нирана до островов, а потом вернуть арборов и воинов домой целыми и невредимыми. Лун старался почаще напоминать себе об этом. Он понимал, что все его возражения абсурдны. «И наверное, ты просто чуточку им завидуешь». Подавив эту мысль, Лун спрыгнул с ветви, расправил крылья и спустился вниз к платформе.

По пути туда Лун заложил вираж и пролетел под струей водопада, который лился из дупла, служившего исполинскому дереву главным входом. Вода падала вниз и собиралась в бассейны на широких платформах, которые выпирали из ствола в тех местах, где толстые ветви дерева сплетались друг с другом.

Лун облетел «Индалу» и «Валендеру», пришвартованные рядом с прудом для орошения. Чтобы не расцарапать когтями деревянные борта, арборы сбросили с палуб веревочные лестницы. Большую часть времени, которое занял ремонт, они шкурили отметины от когтей, переплетали канаты и латали дыры в парусах. Сейчас Лун увидел, что арборы уже погрузили на корабль бочонки с водой и съестные припасы, и теперь просто шатались туда-сюда и болтали друг с другом.

Лун заметил у кормы «Индалы» Звона и приземлился рядом с ним в высокую траву. Звон пригнулся, когда Лун стряхнул с чешуи капли воды, и проворчал:

– Консортам вообще-то необязательно вставать так рано.

Лун опустил шипы и сложил крылья.

– Я хотел их проводить. Ты сам-то чего так рано проснулся?

Звон обычно вылезал из своей опочивальни не раньше середины утра, а то и позже. Когда Лун ложился спать с ним, то на заре, чтобы выбраться, ему приходилось перелезть через бессознательного воина.

– Я тоже хотел их проводить. А еще я сегодня в патруле, – сердито ответил Звон, рассеянно пиная клочок травы.

Лун не стал ему сочувствовать. Патрулировать окрестности было нетрудно – летай себе под кроной исполинского дерева да выискивай хищников и всяких нежеланных гостей. Работа, конечно, скучная, но необходимая. Желая сменить тему, Лун сказал:

– Я рад, что ты решил не лететь с кораблями.

Звон, чувствуя себя немного неловко, повел шипами.

– Когда Цветика умерла, я подумал, что лучше остаться. Может, смогу чем-нибудь помочь Душе; советом, например. – Звон родился арбором, наставником, но из-за того, что в старой колонии раксуря много болели и рожали мало воинов, он против воли переменялся и стал окрыленным. С тех пор прошло уже немало времени, но Звон с этим так до конца и не смирился.

Лун сказал:

– Душе помощь наверняка пригодится. – Душа была самой могущественной наставницей при дворе, и два месяца назад, после смерти Цветики, она возглавила касту. Однако некоторым членам двора не понравилось, что место старшей наставницы заняла столь юная арбора. Впрочем, точно так же им не нравилось, что их первым консортом стал почти дикий одиночка без рода и племени.

– А еще я, наверное, чуточку испугался, – признался Звон, задрал голову и глядя на «Индалу». Утренний ветерок медленно качал легкий корабль, и тот поскрипывал досками. – Наше последнее путешествие было... чересчур. Не хочу, чтобы меня снова кто-то пытался сожрать.

Да уж, приключений им тогда хватило.

– Не думаю, что это путешествие будет таким же опасным.

– Надеюсь, что нет. Наставники много гадали и не увидели ничего плохого, но... – Звон обреченно вздохнул. – Ты же знаешь, что на предсказания не всегда можно положиться.

Да, это Лун отлично усвоил.

Последние стайки арборов спрыгнули и слезли с кораблей. У борта появились Почка и Бусинка. Они заметили Луну и Звона и помахали им, подпрыгивая от предвкушения. Лун помахал в ответ, хотя отпускать их он тоже не хотел. Почка и Бусинка ему нравились, и они

частенько защищали Луна перед другими арборами. Он старался не думать о том, что теряет своих лучших союзниц, и напоминал себе, что их не будет всего несколько месяцев.

– А вот и Нефрита, – сказал Звон.

Лун поднял голову как раз в тот момент, когда Нефрита ярким голубым росчерком спикировала вниз и полетела вдоль серого ствола исполинского дерева. Она направлялась напрямиком к палубе «Индалы».

– Жемчужина, похоже, не выйдет. – Звон смотрел на дупло, но оттуда больше никто не появился.

Жемчужина не любила земных обитателей, но Луну казалось, что она и к раксура не питала особенно теплых чувств. Простой ночью арборы устроили Нирану формальные проводы, и Жемчужина, наверное, решила, что этого достаточно.

Лун наполовину расправил крылья и прыгнул на борт, стараясь не поцарапать когтями только что отполированное дерево. Звон приземлился следом за ним и пошел на корму к Почке и Бусинке.

Нефрита стояла на палубе и разговаривала с Нираном.

– Я хочу еще раз поблагодарить тебя за помощь, – сказала она. – Если бы не ты, мы бы ни за что не добрались сюда.

Она выделялась даже среди ярко окрашенных арборов, которые толпились вокруг. Будучи королевой, Нефрита была крупнее и сильнее других раксура, а ее чешую покрывал серебристый узор, похожий на паутинку. Грива из гребешков и шипов доходила ей до хвоста. Одеждами Нефрите служили лишь широкое ожерелье и пояс из серебряных звеньев, соединявших полированные опалы.

Ниран, чуть смутившись, покачал головой. Ростом он был с арборов, но сложен не так крепко, как они. Его кожа была золотистой, а волосы – длинными, прямыми и белыми. Поначалу он не доверял раксура, но после того, как они вместе прошли через множество опасностей, островитянин сдружился с ними. Он ответил:

– Благодарите дедушку, ведь это он хотел вам помочь. Впрочем, я рад, что он настоял. – Ниран обвел рукой поляну, исполинские деревья, платформы висячего леса и все Пределы. – Такое путешествие мне бы пропустить не хотелось. Жаль только, что дедушка не смог полететь с нами. Не сомневаюсь, он будет очень возмущен и выместит это на мне. – Кивнув Луну, Ниран прибавил: – А еще он наверняка обрадуется тебе, если ты когда-нибудь вернешься на восток.

– Нет, я не вернусь, – отозвался Лун. Ему тоже не хотелось прощаться с Нираном. Случалось, что жизнь при дворе начинала казаться ему чересчур уж странной, и тогда Лун радовался, что может поговорить с земным обитателем. Но он понимал, что Ниран сильно скучает по своей семье и по Золотым островам. – И все же ты поблагодари его за меня.

Пока все заканчивали провожать путешественников, Утес отвесил Луну подзатыльник и сказал:

– Не вытвори тут чего-нибудь, пока меня нет.

Лун и Нефрита вернулись в дупло и оттуда смотрели, как отчаливают корабли. Арборы на платформе отвязали канаты, и оба судна легко поднялись в воздух. Паруса остались сложенными – корабли летали благодаря магическим камням, которые добывались из недр небесных островов. Эти камни позволяли судам плыть по потокам силы, что пронизывала Три Мира, а паруса раскрывались лишь в ветреную погоду, чтобы развить скорость побольше. «Валендера» изящно воспарила с платформы, затем развернулась и поплыла под зелеными сводами исполинского леса. «Индала», двигаясь уже не так плавно, взлетела следом за ней и, поворачиваясь, задела корпусом спиральное дерево на краю платформы. Лун надеялся, что Почка ни во что не врежется, пока они летят по лесу. Все-таки разрыв в пологе, где корабли могли подняться над кронами, был совсем недалеко, и Луну думалось, что дела у Почки пойдут лучше, когда она окажется высоко в воздухе.

Итак, последняя ниточка, которая связывала Луна с прошлым, с земными обитателями, оборвалась. Он думал, что почувствует облегчение, но теперь даже не знал, что чувствует. Впрочем, Луну было не привыкать, и он решил, что волноваться, наверное, не о чем.

Нефрита взяла его за руку. Вид у нее был задумчивый.

– Ты не жалеешь, что не полетел с ними?

Пристыженный и удивленный, Лун покраснел.

– Нет, – сказал он. – Почему ты спрашиваешь?

Она покачала головой, глядя на то, как корабли постепенно растворяются в туманной дымке леса.

– Ты всегда так много путешествовал. Разве тебе не будет трудно оставаться на одном месте?

– Нет, трудно не будет. Просто... непривычно. – Уж в том, чтобы оставаться на одном месте, Лун не видел никаких сложностей.

* * *

Прошло три месяца.

С тех пор как они прибыли в новую колонию, Лун несколько раз спрашивал у других, чем вообще обычно занимаются консорты – помимо того, что спят с королевами да плодят окрыленных на благо двора. И его совсем не обнадежило, что никто не смог прямо ответить на этот вопрос.

Однажды он спросил Звона. В тот день они приглядывали за арборами-охотниками, которые выслеживали дичь на платформах висячего леса. Двор до сих пор не знал, какие опасности таятся в окрестностях их нового дома, поэтому теперь охотников, занятых поисками добычи, сопровождали воины, а солдаты тем временем оставались в древе, чтобы охранять подступы к нему и примыкающие платформы. Поскольку окрыленные, а в особенности консорты, обычно не принимали участия в охоте, Лун должен был просто летать рядом и разминать крылья – хотя опыта в ловле добычи и выживании у него было больше, чем у всех воинов, вместе взятых.

У Луна получалось понемногу помогать окрыленным с другими обязанностями: например исследовать новые территории Тумана Индиго и вместе с охотниками составлять подробные карты платформ и мостов, которые их соединяли. Еще они примечали, какие здесь водятся хищники и травоеды, где они обитают, каких развелось так много, что на них можно регулярно охотиться, а каких осталось так мало, что их лучше оставить в покое и дать им расплодиться.

Отвечая на его вопрос, Звон сказал:

– Консорты должны прислушиваться к арборам, выяснять, в чем те нуждаются или чем недовольны, а затем тактично указывать на это королевам.

Елея, сидевшая рядом с ними, криво усмехнулась.

– Еще бы к воинам они прислушивались, было бы совсем хорошо.

– Конечно, – поддакнул Звон, словно и так это подразумевал. А затем все испортил, прибавив: – Но воины вечно жалуются по пустякам, так что об этом и говорить нечего.

Елея косо посмотрела на него.

– Ну да, кому какое дело, чего хотят воины? – Елея была сестрой Нефриты, воительницей из королевского выводка – такие иногда появлялись на свет. В отличие от Звона, она родилась окрыленной, и потому смотрела на мир несколько иначе.

Лун закатил глаза и, решив, что разговор ушел слишком далеко от темы, снова перевел внимание на платформу. День был теплым, воздух – влажным, почти как во время дождя, а свет едва просачивался через пелену облаков, которая висела где-то высоко над лиственными кронами. Платформа, где охотились арборы, располагалась в двухстах шагах под Луном и чуть в стороне от него.

Она огибала ствол исполинского дерева огромной полуспиралью; густой лес покрывал всю ее поверхность, а через край вниз сбегал ручей, который затем падал на платформы поменьше, ютившиеся в нижних ветвях. Изредка Лун замечал яркую чешую охотников, мелькавшую среди зелени. Хотя ростом мускулистые арборы уступали окрыленным и в чешуйчатом облике не имели крыльев, их зубы и когти были столь же острыми. А всякий лес, к несчастью, кишел хищниками не меньше, чем травоедами.

Однако Луна беспокоили не эти лесистые охотничьи уголья, а другая платформа, которая висела прямо под ними. Укрытая тенью и вся поросшая пухлыми белыми лианами с темно-багряными листьями, она была окутана клочьями тумана. Хотя Лун мог разглядеть не много, платформа казалась ему зловещей, и он думал, что ей не хватает лишь кучек костей по гниющим краям.

Елея продолжала говорить:

– Если не слушать воинов, то молодые самцы начнут к тебе задиаться...

Звон презрительно усмехнулся, явно нарываясь на подзатыльник от Елеи.

– Воины вечно ноют. Куда чаще арборов. Если станешь слушать их, то у тебя не останется времени на...

– Да вы все ноете больше, чем кто-либо еще, – прервал его Лун, – по малейшему поводу. – Обычно он старался держать свое мнение о внутренних делах двора при себе, поскольку почти ничего не смыслил в том, как править колонией раксура. И ему казалось, что Нефрита и так неплохо справляется как с арборами, так и с воинами. Так что Лун не собирался совать нос в ее дела и передавать «жалобы», по крайней мере, не разобравшись перед этим подробнее, в чем дело.

Звон возмущенно напрягся, но Елея рассмеялась.

– Да, тут ты, наверное, прав.

Лун подтолкнул Звона плечом.

– Я пошутил.

– Нет, ты не шутил. – Но Звон все же уложил встопорщенные шипы. – О, кстати о нытье и жалобах. Я хотел тебе кое-что рассказать. При дворе некоторые переживают, что Утес не вернется.

Лун нахмурился. Этого он не ожидал.

– С чего бы ему не вернуться?

Елея пояснила:

– За последние двадцать циклов он часто улетал. И провел больше времени в путешествиях, чем в старой колонии. – Она задумчиво пожала плечами и сложенными крыльями. – Я точно не знаю, но мне кажется, что отчасти поэтому все и стало так плохо. Например, если бы он был с нами, то Жемчужина вряд ли отослала бы Праха и Ожога к другим дворам.

Лун ничего не ответил. Прах и Ожог были молодыми консортами Смоли, королевы-сестры, которая умерла еще до того, как Лун присоединился к двору. Останься они в Тумане Индиго, Нефрита смогла бы взять в консорты кого-то из них; тогда Утесу не пришлось бы лететь в Звездное Сияние, и он не нашел бы Луна.

– Ну да, и теперь, когда мы окончательно осели здесь, остальные решили, что он снова улетит, – закончил Звон. Повернувшись к Луну, он обеспокоенно нахмурил брови. – А ты что думаешь?

Лун повел шипами, надеясь, что этим показывает, будто ничуть не обеспокоился. За последние несколько месяцев он заметил, что умеет с легкостью читать язык тела других раксура, но его собственные повадки и жесты не всегда похожи на те, что приняты у них, и значат совсем не то, что он хочет передать. Осознав это, Лун понял, почему с таким трудом влился в их общество.

– Утес не говорил, будто хочет снова улететь. – Кроме того, Луну казалось, что праотец был готов остаться здесь навсегда. – Он давно хотел вернуться в Пределы и вряд ли собирался сразу же их покинуть.

– Это хорошо. – Звон уложил шипы, а затем неохотно прибавил: – Но Поток, конечно, сказал...

Елея неодобрительно зашипела.

– Звон, всем плевать, что там сказал Поток.

Лун, впрочем, догадывался, о чем речь.

– И все же мне бы хотелось знать наверняка.

Поток был фаворитом Жемчужины, воином, который возглавлял ее фракцию. Как и Елея, он родился в королевском выводке, но, в отличие от нее, мнил о себе невесть что. Причем его самомнение раздулось еще больше, когда по какой-то непостижимой причине Жемчужина стала с ним спать.

Лун надеялся, что после путешествия к пресноводному морю Поток смирится с его существованием. Этого не случилось. Более того, их отношения стали еще хуже, когда Лун понял, что Поток чинит ему козни не из вредности, а потому что искренне считает его ужасным консортом, который вредит двору.

Елея помрачнела. Звон дернул шипами в ее сторону и заговорил:

– Поток рассказывал нелепицы, будто Утес полетел к Золотым островам для того, чтобы попытаться найти другого консорта. – Когда Звон посмотрел на Луну, вид у него стал виноватым. – Это, конечно, неправда. Даже и говорить не стоило.

– Поэтому я и сказала: не надо, – буркнула Елея.

Звон зашипел на нее. Лун успокоил его:

– Все в порядке. Я бы все равно рано или поздно услышал.

И все же Звон почувствовал себя неловко.

– Я просто...

Издалека донесся пронзительный вопль, и шипы Луна встали дыбом. Он замер и окинул взглядом платформу.

– Кричал арбор, – потрясенно прошептал Звон. – Кого-то ранили.

Елея шикнула на него, а затем сказала:

– Вон там! Видите? – За миг до этого Лун заметил какое-то шевеление в подлеске посреди охотничьих угодий. Он спрыгнул с ветви, расправил крылья и, помогая себе могучими взмахами, стремительно спикировал вниз.

Елея и Звон помчались за ним. Еще несколько воинов слетели с соседних ветвей и поспешили на помощь.

Летя к платформе, Лун увидел среди деревьев мельтешащую чешую – другие арборы тоже бежали на шум. Судя по тому, как раскачивались и трещали деревья, кричавшие сражались с чем-то огромным.

Затем Елея крикнула Луну:

– Лун, не лезь! Мы справимся сами!

Он едва сдержал рык, но отлетел в сторону, позволяя остальным вырваться вперед. Заложив небольшой круг, Лун выгнул крылья, чтобы затормозить, а затем приземлился на ветви спирального дерева. Спустившись по ним вниз, он нашел место, откуда открывался хороший вид на сражение.

Он увидел дыру в платформе, окруженную клочьями земли, травы и вырванных корней. Внутри дыры что-то сидело, но Лун мог разглядеть лишь белые щупальца длиной шагов в двадцать. Их острые, когтистые кончики пытались располосовать воинов и арборов, которые уворачивались и царапали их в ответ. Один арбор пытался вырваться из хватки твари, а еще двое растянулись на земле неподалеку.

Пока воины пикировали на тварь с воздуха, двое арборов приблизились к ней. Они были вооружены короткими копьями, которыми помогали себе в охоте, когда когтей не хватало. Арборы ткнули ими щупальце, державшее охотника. Воины подлетели, чтобы напасть сверху. Елея распоролла одно из щупалец когтями на ногах. Звон попытался сделать то же самое, промахнулся и чуть не столкнулся в воздухе с Шалфеем, однако отвлечь тварь у него все же получилось.

Воины драли существо на части, и оно, похоже, сообразило, что противник сильно превосходит его числом. Оно отшвырнуло охотника в сторону и втянуло щупальца обратно в логово. «Вот и хорошо», – с облегчением подумал Лун. Теперь, когда тварь спряталась, добить ее, скорее всего, не получится, так что им оставалось лишь забрать раненых и убраться отсюда подальше.

Пока тварь спешно спускалась в дыру, арборы схватили потерявших сознание охотников и отступили. В тот же миг одно из щупалец выстрелило в воздух, схватило одного из воинов и окончательно исчезло под землей, утягивая его за собой. Лун с ужасом ахнул.

Остальные потрясенно закричали, кто-то гневно зарычал, и все бросились к дыре.

«Так ничего не получится», – подумал Лун. Они не могли вытащить одного воина, не потеряв половину других. «Если только... – Платформы были не такими уж толстыми, и в земле, что их покрывала, точно не могло поселиться нечто столь огромное. – Это не логово, а тоннель».

Он поспешил вскарабкаться обратно на верхушку дерева, взвился в воздух и устремился к краю платформы. Кто-то закричал ему вслед, но времени, чтобы остановиться и все объяснить, у него не было. Если он прав, то у них осталось всего несколько мгновений, чтобы догнать и поймать существо.

Оказавшись у края, он нырнул вниз, промчался мимо торчащих корней и, пролетев пятьдесят шагов, приземлился на затененную платформу. Над его головой тянулись белые лианы, которые наполняли влажный воздух сладковатым, гниlostным запахом, а их багровые листья не пропускали сюда свет. Лун оглядел дно верхней платформы и заметил разодранные корни и ключья мха в том месте, где тварь прокопала себе туннель и напала на арборов. «Ха, я был прав». А еще он слышал, как среди лиан в той стороне что-то громко шевелится.

Ориентируясь на звук, Лун помчался через густую растительность. Он надеялся, что скорость и эффект неожиданности защитят его от обитателей этого места.

Шум резко стих, и Лун понял, что тварь его услышала. Он присел, взмыл ввысь и, дважды взмахнув крыльями, ухватился за сплетенные кривые корни, которые торчали из дна верхней платформы. Здесь существо наверняка его заметит, но и он сможет рассмотреть с высоты все заросли.

Из туннеля посыпались ключья земли, и на другом его конце арборы и воины что-то заорали друг другу. Однако внизу, насколько видел Лун, лианы не шевелились. Он зашипел от досады. Существо наверняка было где-то здесь, оно не успело бы прокопать новый ход и скрыться.

Лун почувствовал рядом какое-то движение и с рыком поднял голову. Меньше чем в десяти шагах от него в корнях притаилась древесная лягушка. Она была почти вдвое больше Луна и смотрела на него широко распахнутыми, перепуганными глазами.

Лун прежде никогда не пытался говорить с древесными лягушками, но попробовать стоило. Он спросил на языке раксура:

– Где оно?

Даже если лягушка и не знала языка, она все поняла по ситуации. Она указала на место в тридцати шагах к югу от туннеля.

Лун, не мешкая, перебрался по корням в ту сторону и повис над нужным местом. Заметив проблеск гладкой белой шкуры, переливчатой и непохожей на лианы, он спикировал вниз.

Прорвавшись через цветы, Лун очутился в багряном полумраке и врезался во что-то жесткое. Тварь зарычала от ярости и взбрыкнула. Лун вонзил в нее свои когти и заорал, зовя на помощь. Ему показалось, что он услышал хриплый отклик Звона, а потом крики арборов. Затем одно из щупалец хлестнуло его, обвилось за талию, и Лун перестал обращать внимание на что-либо еще.

Щупальце стащило его с туловища твари, впечатало в гниющий мох и начало сдавливать. Оглушенный, Лун согнулся и вонзился зубами в твердую плоть. Тварь, похоже, не ожидала столь яростного сопротивления и вздрогнула. Извиваясь, она попыталась снова поднять его щупальцем и ударить о землю.

Лун прокусил вену – он никогда в жизни не пробовал на вкус более мерзкой крови, – и почувствовал, как еще одно щупальце шлепнулось рядом с первым и схватило его за ногу. «Ох, совсем беда». Вдруг он услышал хор рычащих созданий и хлопки крыльев – остальные воины гневным роем прибыли на подмогу.

Щупальце отшвырнуло Луна в сторону. Он больно ударился о землю, перекатился, а затем, пошатываясь, поднялся и увидел, как существо отчаянно размахивает щупальцами, пытаясь сбежать. Воины приземлились ему на туловище, а несколько крупных арборов, прорвавшись через лианы, набросились на него сбоку.

Лун сплюнул кровь, решил, что остальные могут сами добить тварь, и стал спешно раздирать смятые лианы, разыскивая похищенного воина. Он нашел свернувшееся калачиком тело неподалеку. Это был Песок, молодой окрыленный из фракции Нефриты. Он лежал без сознания, в земном облике, но все еще дышал.

Звон неуклюже продрался через лианы, когда Лун начал осторожно ощупывать ребра Песка. Он пытался понять, насколько серьезны переломы юного воина – у самого Луна болело все туловище, так что и Песок вряд ли отделался одними ушибами.

– Ты жив! Он жив! – закричал Звон, маша руками арборам, которые вылезли из туннеля верхней платформы. – Лун нашел Песка, и они оба живы!

– Звон. Звон, угомонись, – сказал Лун. Голос его прозвучал хрипло.

Веки Песка затрепетали, он застонал, а затем выдохнул:

– Что произошло?

– Ничего. Мы потом тебе расскажем. – Лун опустил руку и сел рядом. – Просто лежи спокойно. – Затем он спросил Звона: – Арборы в порядке?

Звон кивнул, шагнул в дыру в рассеченных лианах и присел рядом с Песком.

– Трое ранены, но никто не погиб. – Он коснулся лба Песка и сосредоточенно нахмурился. Лун смотрел на его лицо и увидел, как через несколько секунд Звон вспомнил, что он больше не наставник и не может погрузить Песка в целительный сон. Скривившись, воин убрал руку, и Лун отвел взгляд.

Немного помолчав, Звон сказал:

– Ненавижу охотиться.

* * *

Поскольку никого не сожрали, Лун решил, что день прошел вполне себе неплохо. Воины перенесли Песка, раненых арборов и их добычу в колонию, и Лун вернулся с первой же группой. У него получилось ускользнуть подальше от бури возгласов, объяснений и упреков, которая тут же поднялась в приемном зале, и взлететь по центральному колодцу на королевский этаж.

К счастью, в королевском чертоге никого не было. Одна сторона этого огромного зала выходила в центральный колодец дерева, а прямо над ней нависала галерея этажа консортот. Из внутренней стены бил фонтан, струя которого падала в неглубокий бассейн, а над ним

возвышалась огромная скульптура королевы. Ее расправленные крылья тянулись по стенам, будто обнимая весь зал, и наконец соприкасались кончиками. Ее чешуя, инкрустированная полированным янтарем, слегка поблескивала в неярком свете, который источали зачарованные ракушки на стенах. Услышав приглушенные голоса, донесшиеся со стороны опочивальни Жемчужины, Лун свернул в коридор, который вел к покоям Нефриты.

Поначалу Нефрита не хотела переезжать сюда, наверх. Она считала, что опочивальня рядом с чертогом учителей, где они с Луном поселились вначале, располагается гораздо удобнее. Но когда в колонию начали прилетать делегации из других дворов, им все же пришлось занять королевские опочивальни – если бы те оставались пусты, гостям могло показаться, что Туман Индиго бедствует гораздо больше, чем на самом деле. Лун считал, что во всей колонии нет столь же красивой резьбы, как на королевском этаже, а еще здесь при каждой опочивальне имелась своя купальня с горячей водой.

От зачарованных камней, которые лежали в металлической чаше очага, исходило тепло, и Лун наклонился, чтобы поставить чайник. Его ребра прострелило, боль разошлась от пояса к груди, и он поморщился. Приняв земной облик, он осторожно приподнял рубаху и оглядел себя.

На его темно-бронзовой земной коже уже появились багровые и черные синяки, но он, похоже, ничего не сломал. Впрочем, спать сегодня в кровати – большой, деревянной, похожей на половину гигантской скорлупы и подвешенной к потолку – скорее всего, не стоило. Что ж, значит, придется разложить у очага шкуры с подушками и лечь на них.

Затем в комнату ворвалась Нефрита и тут же зашипела:

– Тебя могли убить.

Или же сегодня он будет спать вообще в другой опочивальне.

– Мы живем в небезопасном месте, Нефрита. Нас всех могут убить.

Такой ответ ей не понравился. Она склонила голову набок.

– Тогда, может быть, стоит поостеречься и не кидаться на опасных хищников. В одиночку. Не дожидаясь подмоги.

– Времени ждать не было. – Лун поморщился и наконец смог стянуть рубашку. – Ты сама приказывала мне драться со Сквернами... причем дважды!

– В первый раз я не думала, что ты и в самом деле полетишь сражаться с облачным странником, а во второй я сказала тебе проследить, куда направился кетель, а не лезть к ним в улей в одиночку.

Лун полез туда на разведку, а не чтобы драться, но он не стал спорить.

– К чему этот разговор?

Гнев Нефриты уже уступал место досаде.

– К тому, что ты – первый консорт. Мой первый консорт. Ты не можешь собой рисковать.

– Я не стану стоять в стороне и ждать, когда кого-нибудь съедят.

– Я знаю. Знаю, что не станешь. – Она прижала ладонь ко лбу и зажмурилась. – Но... у тебя есть и другие обязанности.

Другие обязанности. Например, зачать выводок. Лун ждал, когда она об этом скажет. Его сердце заколотилось быстрее.

Три месяца назад, когда отчалили летучие корабли, Нефрита решила, что им настало время завести потомство, но пока что ничего не произошло. Лун при каждой возможности делал все от него зависящее и не понимал, что могло пойти не так. И ему совсем не хотелось спрашивать Нефриту, не передумала ли она.

Или, возможно, зачать выводок было не так уж просто, как ему казалось. Лун видел, как заводят детей земные обитатели, но не представлял, как это происходит среди ракса; он даже не знал, рожают они или откладывают яйца, и лишь недавно выяснил, что королевы и женщины-арборы умеют подавлять свою способность к зачатию. Из-за трудностей в старой

колонии все арборы перестали рожать еще до того, как к ним присоединился Лун, и самым младшим детям был уже почти целый цикл. Но если бы он что-то делал неправильно, Нефрита наверняка сказала бы ему об этом.

Однажды Лун заподозрил, что дело может быть кое в чем другом, но, поскольку Утес улетел с Нираном и остальными, спросить было некого.

Нефрита посмотрела на него и, видимо, почувствовала, насколько он встревожен. Она приняла облик арборы – в земных обитательниц королевы перевоплощаться не могли. Ее очертания стали более плавными, а крылья исчезли. Окрас чешуи остался таким же, голубым с серебристо-серым узором, но шипов стало меньше, а длинных гребешков в гриве больше. Она подошла к Луну, положила ладонь ему на загривок и коснулась лбом его лба. Затем она, рыча, произнесла:

– Я понимаю, что ты не можешь не помогать. Просто старайся не убится при этом.

Лун закрыл глаза, вдыхая ее запах.

– Я сообразил, куда та тварь потащила Песка, а времени сказать остальным у меня не было. Пришлось лететь самому.

Нефрита сделала шаг назад.

– Никто не погиб; я рада и этому. – Она окинула его взглядом. – Я позову наставника, чтобы тебя осмотрели.

Лун сел на шкуры и постарался не застонать, когда его побитые мышцы сжались. Наставник был ему не нужен, но он так обрадовался возможности отложить разговор о детях и о консортах, которые не способны их произвести, что не стал спорить.

– Жемчужина не будет с тобой из-за этого ругаться?

Выходя в коридор, Нефрита презрительно хмыкнула.

– С Жемчужиной я разберусь.

Лун лег на шкуры и прищурился, разглядывая свой любимый рельеф на потолке. На нем из разной древесины были выточены раксур, украшенные полированными драгоценными камнями. Самые большие фигуры – королевы – красовались посередине, рядом с ними – консорты из темного дерева, которое обозначало их черную чешую, затем группки воинов и воительниц, сплетенных друг с другом или в полете, с расправленными крыльями. По краю размещались арборы – бескрылые, приземистые и мускулистые, в отличие от худых, высоких, изящных окрыленных. Во всем древе Лун не нашел ни одного изображения раксур в земном облике – и не понимал почему. Ведь он оставался собой в любом теле, и оба обличья в равной степени были его воплощением. Он знал это, чувствовал нутром, хотя вырос один, а не при дворе раксур.

«Ты все еще здесь», – напомнил он себе. Учитывая все его прошлые попытки осесть хоть в каком-нибудь поселении, одно это было уже немалым достижением.

Глава 2

Два дня спустя королевы созвали весь двор, чтобы устроить общий сеанс предсказаний.

Лун все еще привыкал к странному, непредсказуемому поведению раксур, но не успела церемония начаться, как он уже чуть не поссорился со Звоном. Лун лишь заметил, что этим сеансом можно легко переложить всю вину за важные решения на наставников, и его превратно поняли.

– Нет, такие предсказания очень точны и очень важны для двора, – настойчиво и слишком громко заявил Звон.

– Я и не говорил, что это не так. – Лун на всякий случай огляделся посмотреть, не услышал ли их кто-нибудь.

Они стояли в небольшой комнатке, которая примыкала к огромному приемному залу, где уже собрались почти все члены двора. Арборы и воины стояли на первом этаже, на двух открытых лестницах, которые зигзагами вились по противоположной стене, под балконами и в круглых проходах, что уводили на верхние этажи. Гигантская спираль колодца поднималась над лестницами и пронизывала все дерево.

Почти все раксур приняли земной облик, и лишь некоторые молодые воины остались в крылатом; они липли к стенам и свисали с балконов, цепляясь за них когтями ног и хвостами. Не пришли лишь дети, которые остались в яслях, и несколько учителей, что за ними приглядывали. В воздухе висел негромкий гул разговоров, предвкушение и нетерпение; кое-где воины и молодые арборы толкали друг друга локтями. Но даже несмотря на то что здесь собрались почти все члены двора, места в зале все равно оставалось слишком много. Было печально осознавать, сколь малочисленным стал Туман Индиго по сравнению со своим былым величием.

Все еще недовольный, Звон продолжал:

– Тогда что тебе не нравится? Почему ты считаешь прорицание дурной затеей?

Лун раздраженно зашипел.

– Я так не считаю. – Он просто думал, что проблемы таким способом не решить.

А еще боялся того, что может раскрыть предсказание.

– Тогда почему ты... – начал было Звон, но Елея подтолкнула их обоих в спину и сказала:

– Идите, Нефрита уже ждет.

Нефрита и правда ждала. Она сидела у края пустого круга посреди зала и всем видом излучала нетерпение. Лун направился к ней, а Звон и Елея пошли за ним.

Когда раксур Тумана Индиго впервые вошли в дерево, этот зал поразил их воображение, но теперь он впечатлял еще больше, ведь арборы соскребли со стен мох, очистили и отполировали дерево и инкрустацию и зачаровали ракушки, чтобы те сияли мягким светом. А еще вода, которая узким ручьем вытекала из верхнего канала и собиралась в бассейне на полу, теперь стала кристально чистой и свежей.

Когда они подошли, Нефрита подняла голову и слегка улыбнулась, но, судя по наклону шипов, она была чем-то недовольна. Она сказала:

– Ты как будто встревожен.

Воины, стоявшие вокруг, расступились, и Лун занял место на полу позади нее. Он и правда волновался, но не хотел об этом говорить. Чтобы отвлечь Нефриту, он сказал:

– Звон пытается убедить всех, будто я не хочу, чтобы мы проводили предсказание.

Нефрита подалась назад и сердито посмотрела на Звона. Тот и Елея заняли места за Луном. Звон возразил:

– Ничего подобного. Я просто спросил...

Елея снова ткнула его локтем.

– Спросишь позже.

Душа ждала в центре зала вместе с Толком, самым сильным наставником после нее, оба в земных обличьях. Душа была красивой, с темно-янтарной кожей и волосами бронзового цвета, как у многих арборов Тумана Индиго. Она и Толк были почти одного возраста, однако Толк – светловолосый парнишка с тепло-коричневой кожей и широко расставленными глазами – всегда казался моложе Души. Ему не доставало опыта и серьезности, из-за чего старшим наставником назначили не его. Насколько мог судить Лун, Толк был этому только рад. Душа сейчас казалась взволнованной, и она, не переставая, вытирала руки о светлую юбку, словно у нее потели ладони. Наставники умели гадать по-разному, но Луну почему-то думалось, что такое прорицание Душа проводит впервые. Ну или впервые делает это в присутствии стольких зрителей.

У ее ног стояла широкая неглубокая чаша, высеченная из крапчатого серо-зеленого камня. Наверное, теперь чаша считалось важной и использовалась для церемоний, но раньше Лун видел, как арборы мололи в ней орехи. Теперь же ее окружало не меньше дюжины маленьких глиняных мисок, покрытых темно-синей глазурью.

– Где Жемчужина? – прошептал Лун Нефриту.

Та раздраженно дернула хвостом. Она вообще почти не скрывала, с каким нетерпением ждет завершения церемонии, и Лун не понимал почему.

– Ей же нужно эффектно появиться. А вот и она.

Он поднял голову. Жемчужина, расправив крылья, спустилась на дно колодца.

Лун встречал королев старше и больше Жемчужины, но ее вид все равно внушал трепет. Золотистая чешуя королевы сверкала, и по ней бежала паутинка узора насыщенного синего цвета. Ее грива из гребешков походила на золотую вспышку солнечных лучей, и такие же гребешки украшали кончики ее крыльев и треугольник на конце хвоста. Как и Нефрита, она была одета в одни лишь украшения.

Изящно опустившись на полированный деревянный пол, Жемчужина сложила крылья. За ней полукругом приземлились воины, ее фавориты: Поток, Дрейф, Виток, Флора и Шалфей. Лун услышал позади грубый смешок Звона, а затем шорох, когда Елея укоризненно ткнула воина локтем.

Жемчужина села и кивнула Душе. Наставница взяла маленькую миску и встала.

Нефрита произнесла:

– С нами нет Утеса. Возможно, мы просто теряем время.

Душа остановилась и неуверенно перевела взгляд с одной королевы на другую.

Жемчужина чуть угрожающе склонила голову набок.

– И тем не менее мы начинаем.

Нефрита и Жемчужина недолюбливали друг друга, и порой дело даже доходило до драки, однако у них все же получалось вместе править двором, причем успешно, а все остальное было неважно. Но одно решение они принять так и не смогли, а именно: позволить арборам обзавестись выводками уже в этом сезоне или подождать.

Все воины ракура рождались бесплодными; лишь королевы, консорты и арборы могли производить на свет детей. Ожидалось, что королева и консорт – то есть Нефрита и Лун – вместе со следующим поколением королевских окрыленных породят нескольких воинов, однако в целом обязанность заселить двор потомством лежала на плечах арборов. Поначалу Нефрита считала, что стоит разрешить им заводить детей уже через два месяца после переезда, а Жемчужина хотела подождать, чтобы сначала починить и засадить все садовые платформы древа. Однако за эти месяцы обе королевы изменили свое мнение на противоположное.

Поджав губы, Нефрита откинулась назад.

По кивку Жемчужины Душа подошла к ней. Встав на колени, она приняла облик арборы. Королева протянула руку. Душа провела когтем по ее ладони, а затем подставила миску, но туда не упало ни единой капли крови. Жемчужина с усмешкой повела одним шипом и сказала:

– Нужно давить посильнее, дитя.

– Прости, – смущенно прошептала Душа. Из толпы раздалась шорохи и негромкие веселые смешки – все испытали облегчение, увидев, что настроение у Жемчужины приподнятое. Скверны, столь навредившие двору, больше всего повлияли на их королеву, которая и так была подавлена смертью своего консорта и теми трудностями, с которыми много циклов сталкивался Туман Индиго. С тех пор как двор переселился сюда, Жемчужине стало гораздо лучше, но она все еще на дух не переносила «неприятности». А к ним она относилась всякого члена двора, который каким-либо образом заставил королеву заметить, что он существует.

Свободной рукой Жемчужина взяла Душу за палец и снова провела ее когтем по ладони. На этот раз кровь проступила, и наставница осторожно поймала маленькой миской несколько капель.

Когда Душа встала и подошла к Нефрите, та тоже протянула ей руку. Несмотря на недовольство, она смогла улыбнуться наставнице, когда та взяла у нее кровь. Настал черед Луна. По его земной коже Душа провела когтем осторожнее.

Когда он увидел, как его кровь капает в миску и смешивается с кровью Жемчужины и Нефриты, его сердце забилося чуточку быстрее.

Душа, наверное, почувствовала его пульс. Ободряюще улыбнувшись ему, она встала и отнесла миску обратно к каменной чаше, которая ждала ее в центре круга. Приняв земной облик, она склонилась рядом, подняла медный кувшин и налила в миску немного воды. Чуть покачав ее, чтобы размешать кровь, она вылила смесь в большую каменную чашу.

Толк и еще несколько молодых наставников приняли чешуйчатый облик, взяли каждый по маленькой миске и направились к арборам, пройдя мимо бесплодных воинов. Лун не знал, как они выбирают, у кого взять кровь, но решил, что это как-то связано с разными родами, из которых состоял двор. Очередная особенность ракуры, о которой он не имел ни малейшего понятия.

Вскоре наставники вернулись с мисками к Душе. Она взяла каждую, смешала их содержимое с водой, а затем вылила в каменный сосуд. Теперь кровь Луна смешалась с кровью остального двора. Наверное, это был очень важный момент, но он не чувствовал ничего, кроме беспокойства.

Душа вылила последнюю миску, а затем склонилась над чашей, разглядывая то, что получилось. Толк и остальные наставники присоединились к ней и приняли сосредоточенный вид.

В зале повисла тягостная тишина. Все ждали. Нефрита постукивала когтями по бедру. Лун почувствовал, как кто-то дышит ему в затылок, обернулся и увидел, что Звон приподнялся и вытянул шею, пытаясь разглядеть, что там, в чаше. Лун ткнул его локтем, и Звон неохотно уселся обратно.

Наконец Душа сказала:

– Вижу хорошие знамения. Выводки можно заводить уже в конце этого сезона.

Новости, похоже, были хорошие, поскольку арборы вокруг одобрительно забормотали. Лун, сидевший рядом с Нефритой, единственный услышал, как она зашипела. Но Душа почему-то нахмурилась, и Толк встревоженно глянул на нее. Остальные молодые наставники, похоже, были сбиты с толку.

Жемчужина напряженно, но сдержанно спросила:

– Что еще?

В зале снова повисла тишина, на этот раз полная тревоги. Душа медленно произнесла:

– Кто-то наблюдает.

Все замерли.

«О нет», – подумал Лун. Нефрита перестала стучать когтями. Душа подняла голову, запоздало сообразив, как прозвучали ее слова.

– Это не Скверны! Все не так, как прежде. Я не могу понять... Кажется, речь вообще не о нашем дворе. Может быть, о ком-то из наших соседей.

– Похоже на тень прошлых событий, – сказал Толк, все еще сосредоточенно глядя в большую миску. – Но это точно не о нас.

– Не о Сквернах и не о нас, – повторила Нефрита, и по двору прошла волна облегчения. Все смогли снова вздохнуть свободно. Лун потер лоб и сдержал рык. И нужно же было так всех напугать, пусть и ненадолго!

Шипы Жемчужины дрогнули, выдавая едва сдерживаемое раздражение.

– Что-то еще?

Душа снова посмотрела в миску и неохотно сказала:

– Знаменья указывают, что произойдут какие-то... волнения.

– Насколько сильные? – спросила Жемчужина.

Душа слегка покачала головой, все еще изучая кровавые завихрения в воде.

– Не... ничего ужасного. – Толк согласно кивнул. – Но мы столкнемся с какими-то трудностями.

Жемчужина нахмурилась и задумалась. Нефрита съязвила:

– Ну, для нашего двора это обычное дело, верно?

В толпе снова раздался шум, на этот раз смешки. Жемчужина отмахнулась.

– Мы все еще учимся жить на новом месте. Несомненно, какие-то препятствия нам придется преодолеть.

Крестец, предводитель касты охотников, прибавил:

– И если эти волнения не помешают рожать выводки, то справиться с ними, наверное, будет не так уж и трудно.

Крестец был стар, и это отражалось даже в его земном облике: его волосы побелели, а бронзовая кожа приобрела пепельный оттенок. Он был мускулист, а шрамы, что кольцом обхватывали его шею, указывали на боевую удачу арбора – они достались Крестцу от какого-то хищника, который однажды опрометчиво попытался откусить охотнику голову. Крестец умел успокоить двор. К его мнению прислушивались, и то, что ни он, ни королевы не встревожились, похоже, всех приободрило.

На этом пророчицание закончилось, и все стали расходиться, болтая между собой. Нефрита наклонилась к Луну и прошептала:

– Я пойду поговорю с Жемчужиной. Думаю, нам не стоит давать добро на выводки всем сразу. Если сможем убедить хоть кого-то немного подождать...

– Что ты сказала? – Жемчужина внезапно нависла над ними. Ближайшие арборы и воины поспешно разошлись – кто-то выскочил из дупла наружу, кто-то ушел вверх или вниз по ступенькам, а кто-то залез по стене на верхние этажи. Звон чуть ли не сорвался с места. Елея, дождавшись, когда на нее посмотрит Нефрита, пошла за ним, но гораздо спокойнее.

Нефрита встала, не спеша сложила крылья, а затем сказала:

– Я считаю, что не стоит заводить выводки всем сразу.

Жемчужина склонила голову набок.

– Да неужели? А ты не думала, что арборам не понравится, если мы станем указывать, кому можно рожать сейчас, а кому нельзя?

Нефриту ее ответ не впечатлил.

– Я думаю, что они сами могут разобраться между собой.

Жемчужина мрачно усмехнулась.

– Тогда ты глупа.

Лун подумал, что проще всего дать тем арборам, которым не терпится завести детей, вытянуть жребий; но он понимал, что сейчас ему лучше помалкивать, а уже потом, оставшись

наедине с Нефритой, предложить ей свое решение. Жемчужина всегда с легкостью отказывалась от любой идеи, которую подавал Лун.

Он так и не смог понять, за что правящая королева так его презирает: за то, что он был диким одиночкой, которого Утес притащил в колонию вместо приличного, родовитого консорта из Звездного Сияния; или просто потому, что он ей не нравился. Однажды Жемчужина предложила Луну стать ее консортом, но сделала она это не из привязанности, а просто потому, что королевы с консортами обладали большим влиянием. По крайней мере, Лун на это надеялся – порой бывало трудно понять, что там на уме у королев раксур.

Нефрита оскалилась.

– Давай скажем арборам, что ты считаешь, будто они не в состоянии решить это сами, и посмотрим, что они тебе ответят.

Арборы, скорее всего, и так понимали, что думает Жемчужина. Все-таки они знали ее всю свою жизнь.

Жемчужина ответила на выпад тем, что указала когтем на Луна.

– Твой консорт до сих пор ни разу не исполнил свой долг с арборами. Не потому ли ты хочешь, чтобы они подождали? Если ни у кого из них не родятся наставники, мы сразу пойдем, кто в этом виноват.

Шипы Нефриты встопорщились.

– Не перегибай.

Лун решил, что сейчас самое время смыться, и осторожно поднялся на ноги. Консортам полагалось спать с женщинами-арборами; считалось, что в таких выводах чаще рождаются наставники. У Луна были среди арбор добрые подруги, но он не знал, хотят ли они сейчас детей и не боятся ли связываться с консортом с неизвестной родословной, а спрашивать об этом было страшно неловко. Кроме того, раз у него не получалось зачать выводок с Нефритой, то и с арборами вряд ли получится. И тогда все узнают о его слабости.

Лун пересек зал, минуя нескольких оставшихся в нем раксур. Вдруг из-за колонны высунулась Душа. Она сказала:

– Лун, мы можем поговорить?

– Конечно. – Она, похоже, была взволнована, и Лун с трудом отогнал мысль о том, что ничего хорошего это не предвещает. Может быть, Душа хотела что-то передать через него Нефрите. Они прошли по короткому коридору и оказались в небольшой пустой комнатке в стороне от приемного зала. – Что-то случилось?

Душа подняла голову и посмотрела на него. От нее все еще пахло свежей кровью; когда наставница приняла земной облик, кровь с когтей запачкала ее ногти.

– Когда мы прорицали, то кое-что увидели... про тебя. Ой, ничего ужасного. Просто твоя кровь очень сильно смешалась с тем узором, который предупреждал нас о волнениях.

«Это... совсем нехорошо». Лун прислушался и принялся, убеждаясь, что их никто не подслушивает. На балконах над ними кто-то ходил и разговаривал, но на него и на Душу, похоже, никто не обращал внимания. Однако Лун все равно понизил голос.

– И что это значит?

Душа помедлила.

– Похоже, твои интересы разойдутся с интересами двора. Ну, на время, наверное. Я точно не знаю. – В ее взгляде читалась тревога. – Ты ведь... не собираешься от нас уйти, да?

Такого вопроса Лун не ожидал.

– Нет. Зачем мне уходить?

– Прости, просто... Было похоже, что собираешься. – Она с досадой помотала головой. – Во всеобщих предсказаниях так сложно вычленишь отдельные элементы. Цветика всегда считала, что не нужно и пытаться. Да и вообще предсказание получилось необычным – предостерегло о каком-то чужаке, который за нами наблюдает...

– А почему ты ничего не сказала остальным? – В ту же секунду Лун подумал, что она, наверное, так и поступит и просто решила сначала предупредить его.

– Потому что это предсказание – личное, и не касается всего двора. А еще... я не хотела, чтобы у тебя возникли неприятности. Тем более что никакой угрозы я не увидела. – Душа приподняла уголок рта. – Не хочется никого расстраивать из-за мелких пустяков и обычных дрызг о том, что нужно делать двору.

От этого Луну стало легче.

– Спасибо, что... рассказала. – Он чуть не сказал «предупредила».

– В общем, наверное, ничего страшного это не означает, – сказала ему Душа и ушла. Лун бы ей поверил, не прозвучи ее последние слова так, словно она пыталась убедить саму себя.

Задумавшись, он собрался выйти из комнаты, как вдруг кто-то кувырком свалился с верхнего балкона. Перед Луном неуклюже приземлился воин. Лун от неожиданности перевоплотился.

– Прости, – искренне выдохнул растянувшийся на полу окрыленный. Лун узнал Витка, одного из молодых воинов, которые поддерживали Жемчужину. Впрочем, Лун был с ним мало знаком. – Меня скинули с...

Поблизости приземлились еще двое воинов, и один из них напрыгнул на Витка, чтобы прижать его к полу. Лицо первого воина в тот миг выражало смесь стыда и страха, и Лун понял, что для него это не игра. Рассердившись, Лун сказал:

– Слезь с него.

Второй воин поднял голову и оскалится. Это был Обруч, тоже из прихвостней Жемчужины. А его брата, оставшегося в стороне и с ухмылкой следившего за потасовкой, звали Ясный. Обруч сказал:

– А что такого? Мы же просто веселимся.

Больше всего неприятностей Луну доставляли молодые воины. Воительницы и самцы постарше обычно проводили время за занятиями поспокойнее, но у молодых это почему-то категорически не получалось.

Кроме того, Лун почти сразу выяснил, что у него нет ни капли терпения на препирательства с ними. Насмешливую ухмылочку Обруча он вынести не мог. Лун схватил его за горло и отшвырнул в сторону.

Обруч приземлился примерно в двадцати шагах в стороне и проскользил по гладкому, отполированному полу. Виток ухватился за возможность и отполз в сторону. Но Ясный бросился вперед и остановился всего в шаге от Луна. Когда Скверны напали на старую колонию, Ясный был ранен и попал в плен. Из-за этого он пропустил битву и все те события, которые показали бы ему, что Лун – далеко не самая легкая и безобидная мишень. Воин зарычал:

– Интересно, чего ты стоишь без защиты своей королевы, одиночка.

Лун сделал шаг, подойдя к нему вплотную. С обманчивым спокойствием он произнес:

– Моей королевы здесь нет. Вот и узнай. – Он уже привык к тому, что почти в любой перепалке его клеймили одиночкой, но все равно ощутил покалывание под кожей, когда шипы на его спине и голове поднялись, а гребни встопорщились.

Поняв, что запугать Луна не вышло, Ясный подался назад и неловко повел шипами. Он сказал:

– Не хочу тебе кости переломать.

Лун насмешливо зашипел и, чтобы подчеркнуть свое превосходство, принял земной облик. Пройдя мимо Ясного, он зашагал на противоположный конец зала, к лестнице. Со спины на него никто не набросился, дураков не нашлось. А жаль. Хорошая потасовка приподняла бы ему настроение.

Лун спустился по лестнице в чертог учителей и свернул к яслям. Когда он ступил в круглый проем, украшенный резными изображениями маленьких арборов и окрыленных, его встретил восторженный, визжащий и пищущий хор. Ради этого можно было снести многое.

* * *

На следующий день Лун снова полетел с охотниками. Елея, Звон и еще несколько воинов отправились вместе с ними. Жемчужина потребовала, чтобы они первым делом прочесали окрестности и убедились, что нигде поблизости не притаились другие хищники с щупальцами.

– Да я и так собирался этим заняться, – поведал Луну Крестец перед началом охоты. – А то ту тварь даже на мясо пустить не получилось.

К древу они вернулись на закате. Воины остались, чтобы помочь арборам перетащить добычу, а Лун сразу же полетел внутрь. Оказавшись в приемном зале, он понял, что в колонии что-то случилось. Все воины, не полетевшие на охоту, сновали туда-сюда по верхним этажам, а арборы, собравшиеся у фонтана, о чем-то напряженно разговаривали. Бубенчик, глава касты учителей, увидел Луну и поспешил к нему. Лун взволнованно спросил:

– Что случилось? – Снаружи, у дупла, он не видел ничего подозрительного.

Бубенчик был братом Звона, родившимся с ним в одном выводке, но в земном облике Лун почти не видел между ними сходства. Волосы Бубенчика были темными, а кожа скорее коричневой, чем бронзовой. Он сказал:

– Пока тебя не было, к нам прилетали гости. Королева из Изумрудных Сумерек.

«Это хорошо или плохо?» – забеспокоился Лун. Они торговали с воинами Изумрудных Сумерек, но королевы этого двора не посещали Туман Индиго с «того самого случая», как его теперь настойчиво называли все остальные. Под «случаем» подразумевали стычку, произошедшую на обратном пути от пресноводного моря. Луну сразу вспомнилось странное предсказание о том, что за ними кто-то следит. Возможно, это были Изумрудные Сумерки?

– Которая королева?

– Буря с пятью воинами, – ответил Бубенчик. – Они прилетели ненадолго, и нам их даже не представили. Они встретились с Нефритой, Жемчужиной и Душой на королевском этаже.

– Они не захотели остаться на ночь? – А вот это было уже совсем нехорошо. Лун мало что понимал во взаимоотношениях дворов, но гости должны были остаться хотя бы до утра и прийти на ужин, который для них устроили бы арборы. А еще странно, что из арборов на встречу пустили только Душу; на всех остальных переговорах всегда присутствовали Бубенчик, Крестец и Набат – то есть представители всех каст. Крестец сегодня был занят охотой, но Бубенчик и Набат же остались в древе. – Э-э... Неужели их не пригласили остаться?

Бубенчик явно был сильно взволнован.

– Не знаю.

– Ясно. – Лун поднял голову. Воины, сновавшие по верхним уровням колодца, сторонились королевской галереи, явно боясь вызвать гнев ее обитательниц. – Пойду-ка я наверх.

– Удачи, – сказал ему вслед Бубенчик, когда Лун прыгнул на стену.

Лун карабкался быстро. Стоило ему добраться до самой верхней галереи воинов, как рядом с ним приземлился Вьюн. Прижавшись к расцарапанной когтями колонне, воин негромко сказал:

– Лун, ты не знаешь, о чем говорили с гостями?

– Нет, я только что вернулся. А тебя разве на прием не пустили? – Вьюн отчасти утратил расположение Жемчужины, но Нефрита все еще относилась к нему хорошо, и Лун удивился, узнав, что и он не виделся с гостями.

– Никого не пустили. То есть из воинов. – Вьюн оглядел колодец. – Даже Потока, и он теперь очень зол.

Совсем странно. Поток был фаворитом Жемчужины и уже давно считал себя почти что консортом.

– Попробуй разузнать у них, что случилось, – попросил Вьон, когда Лун пополз дальше.

Он забрался в пустую опочивальню, вышел во внутренний коридор, затем поднялся по небольшой лестнице, которая шла мимо этажа королев и вела напрямиком в покои консортов. Проходя мимо незанятых комнат, он напрягал слух, но так и не расслышал внизу ничьих голосов. Что ж, это, наверное, хорошо. Если бы Буря прилетела с оскорблениями или угрозами, то Жемчужина до сих пор кипела бы от злости.

Лестница вела в небольшой зал, стены которого были украшены резными изображениями; на них арборы строили мосты между платформами висячего леса, над которым высились исполинские деревья. Утес рассказал Луну, что этот уединенный зал предназначался специально для консортов; здесь они могли прийти в себя и собраться с духом перед приемами, которые проводились в соседнем чертоге. Поначалу Лун решил, что это блажь, но затем, когда к ним стали прилетать гости из других дворов, поймал себя на том, что приходит сюда именно для этого.

Круглый проем вел в короткий изогнутый коридор длиной всего в несколько шагов – он был нужен для того, чтобы уединенный зал консортов не просматривался из королевского чертога. А еще из него было удобно подслушивать разговоры, которые там велись. Вдруг консорту захочется узнать, о чем идет речь, прежде чем он присоединится к собранию. Однако сегодня Лун не стал там задерживаться.

Жемчужина, Нефрита и Душа все еще были здесь. Они сидели на подушках рядом с большой железной чашей, служившей очагом. В очаге лежали горячие камни, на которых стоял самый лучший чайник с самыми лучшими чашками, какие только имелись у двора. А еще рядом лежали пустые подушки для уже ушедших гостей. Судя по всему, их все же собирались принять гостеприимно, но что-то пошло не так.

А что-то явно пошло не так. Нефрита сидела к Луну спиной, так что он не видел ее лица, однако шипы молодой королевы торчали во все стороны. Душа была в земном облике и выглядела подавленной, а Жемчужина сидела с мрачным видом, и ее шипы нервно подрагивали.

Лун шагнул в чертог и принял земной облик. Душа тем временем говорила:

– Не знаю, стоит ли нам... ну... беспокоиться, пока мы не выясним все наверняка. Мы даже не знаем...

Жемчужина заметила Луну и зашипела, прервав ее. Душа вздрогнула, подняла голову и увидела Луну. Вид у нее тут же стал очень виноватый.

«Ага, значит, мне тоже нельзя знать о том, что произошло», – подумал Лун, пересекая гостиную и подходя к ним. Это было подозрительно. Впрочем, теперь он точно знал, что Изумрудные Сумерки не объявили им войну. Он сел на подушку рядом с Нефритой. Та даже не посмотрела на него. Жемчужина, не отрываясь, глядела в очаг. Душа прокашлялась и спросила:

– Как прошла охота?

– Хорошо. – Лун гадал, долго ли они смогут притворяться. Они ведь наверняка понимали, что остальные рассказали ему о визите Бури. – На этот раз без сюрпризов.

Повисла тишина. Всем стало настолько неловко, что Жемчужина заерзала и спросила:

– Вы нашли то стадо прыгунов, о котором столько твердил Крестец?

Лун ответил:

– Нет, но мы нашли нескольких больших скакунов.

– Что ж. – Шипы Жемчужины снова дрогнули, она посмотрела на Нефриту, затем отвела взгляд. – Тоже неплохо.

Лун скосил глаза на Нефриту, а потом посмотрел на нее повнимательнее. Молодая королева, неподвижная и напряженная, была в ярости.

– Они прилетали из-за Тишины? – выпалил Лун и запоздало сообразил, что сейчас этого говорить, наверное, не стоило. Тишина, как и ее сестра Буря, тоже была королевой-сестрой Изумрудных Сумерек. Желая заполучить больше власти, она напала на Луна и его спутников, когда те возвращались с пресноводного моря домой. Тогда Нефрите пришлось с ней сразиться. Туман Индиго были не виноваты в том, что произошло после, но в Изумрудных Сумерках вряд ли думали так же.

Нефрита вздрогнула, услышав то имя, а затем заставила себя разжать стиснутые кулаки.

– Нет. Нет, мы говорили не о ней. – Ее голос звучал хрипло, натянуто. Словно она только что на кого-то рычала или же теперь сдерживалась, чтобы не зарычать.

– Тогда о чем же? – Теперь Лун по-настоящему забеспокоился. Он взял Нефриту за руку. Жемчужина с совершенно непроницаемым видом наблюдала за ними. Душа чуть втянула голову в плечи, словно приготовившись к тому, что сейчас скажет Нефрита.

Молодая королева выдохнула и через силу уложила шипы. Выдавив из себя улыбку и как будто извиняясь, она положила ладонь поверх руки Луна и сжала его запястье.

– О территориях. Они пытались нас спровоцировать, заставить выйти из себя. Так глупо получилось; я пошла на поводу у Бури, всплыла, и мы чуть не... – Затем она прибавила: – Не бери в голову.

Лун помедлил. Даже если бы он хоть чуточку поверил словам Нефриты, насмешливое выражение лица Жемчужины и то, как заерзала Душа, расставили все по местам. В первую секунду он подумал, что говорили о нем, но затем вспомнил, как часто бывает чересчур подозрителен. Даже больше, чем чересчур. Кроме того, он и представить не мог, *что* Буря могла о нем сказать – разве что невзначай обронила какое-нибудь оскорбление и задела Нефриту. Но тогда почему Жемчужина ведет себя так странно? Что бы ни случилось, Лун понял, что сейчас выяснить ничего не получится.

И он всегда мог подослать к Душе Звона, чтобы тот выудил у наставницы всю правду.

Лун сказал:

– Ну ладно. – Затем прибавил: – Тебе стоит поесть.

– Да, стоит, – согласилась Нефрита. Она стиснула запястье Луна еще крепче, поднялась на ноги и потянула его за собой. Затем она посмотрела на Жемчужину. В ее взгляде читалась чистейшая, ледяная ненависть.

– Позже договорим.

Шипы Жемчужины всколыхнулись, когда она пожала плечами, отчасти смиренно, отчасти насмешливо.

– А толку-то?

* * *

В следующие несколько дней Нефрита и Жемчужина так ничего и не сказали о встрече с Бурей. Звон доложил, что Душа категорически отказалась говорить об этом с ним или с кем-либо еще. Когда Звон спросил в первые несколько раз, наставница лишь сказала, что королевы просили ее ни с кем это не обсуждать. Когда он продолжил допытывать ее, она зарычала на него, сказала, что это не его дело, и пообещала вырвать ему все гребни, если он спросит еще раз.

– Ты мог бы спросить Елею, – заметил Лун.

– Вот сам у нее и спрашивай, – ответил Звон. – Тебя она хотя бы не убьет.

Да уж, просить Елею предать доверие Нефриты точно не стоило. И потом, Нефрита ведь могла и ей ничего не сказать. Лун решил, что уже никогда не узнает, что тогда случилось. Может быть, они вообще зря гадали и королевы просто обменялись оскорблениями, которые скоро забудутся. А через день случилось происшествие, из-за которого Лун напрочь забыл о суматохе с гостями.

* * *

Из всех дел, которыми подобало заниматься консарту, Луну больше всего нравилось учить птенцов. И ему казалось, что у него неплохо получается. Впрочем, он бы гордился собой еще больше, если бы смог научить Горького летать.

Лун подтолкнул маленького консорта локтем и кивком указал на двух молодых воинов, которые пикировали мимо них, изогнув крылья так, чтобы развить максимальную скорость.

– Разве не здорово? – Лун уже знал, что ответит Горький, но не хотел, чтобы мальчик думал, будто он махнул на него рукой.

Горький, поедавший дольку какого-то твердого желтого фрукта, помотал головой.

День снова выдался теплым, и через высокий тяжелый полог листвы пробивались яркие солнечные лучи. Лун и Горький сидели на одной из маленьких ветвей исполинского дерева, серой и шершавой, шириной шагов в двадцать. Отсюда, со стороны, им открывался хороший вид на душло, водопад и уровни садовых платформ.

Брат и сестра Горького, юный консорт Шип и юная королева Стужа, летали под струей водопада, кружась и петляя в потоках воздуха, который рассекала падающая вода. Еще в воздухе парили несколько воинов – некоторые патрулировали окрестности, а кто-то просто вылетел размять крылья. Почти все они находились чуть дальше и кружили над поляной, что раскинулась под гигантской кроной дерева.

Горький смотрел на летунов равнодушно. Для своего возраста он был слишком мал и в земном облике представлял худым мальчишкой с темно-бронзовой кожей, темными волосами и серьезными глазами. Одет он был в коричневую рубаху и штаны, которые были ему чуточку велики. Горький почти никогда не разговаривал, лишь шептался со Стужей и Шипом, но говорить он хотя бы мог, когда хотел. А вот летать ему, видимо, не хотелось совсем.

– Тебе тоже когда-нибудь придется полететь, – заметил Лун. Ему не хотелось давить на мальчика, но он желал хотя бы понять, в чем дело. Горькому нравилось летать с Луном, прижимаясь к его груди, так что высоты и скорости он явно не боялся. Наверное, его страхи были как-то связаны с гибелью Медного Неба. Горький, Стужа и Шип оказались единственными, кто выжил тогда, но Скверны захватили их в плен. Лун вызволил птенцов, после чего их приютили в Тумане Индиго. Ужасы, через которые они прошли, глубоко ранили троицу, но Лун все не мог понять, как это могло повлиять на отношение Горького к полетам.

Горький прислонился к руке Луна и вздохнул. Видимо, он устал от настойчивых попыток увлечь его.

Сегодня на нижних платформах собралось много арборов; они возились в садах, пропалывали сорняки и, наверное, рассказывали друг другу о том, будут они сейчас заводить детей или нет. В основном там собрались учителя и охотники. Те, кто принял земной облик, оделись в тканые сарафаны или кожаные юбки, которые было не жалко запачкать. Один арбор уже давно подбирался к Луну и Горькому, он собирал с ветви комки мха, которые свалились с верха кроны. Их сушили и использовали для плетения. Арбор был стар – на его чешуе уже появились большие серые пятна, а в некоторых местах виднелись грубые рубцы. Когда он наконец подошел к Луну и Горькому, то сказал:

– Здравствуй, консорт. Здравствуй, малыш. – Арбора звали Штрих, и его старость нельзя было назвать спокойной. Он переболел всеми хворьями, что терзали старую колонию, был ранен, когда напали Скверны, и все это сильно его подкосило. Он отложил в сторону свою сумку и сел рядом с Луном и Горьким. Его кости заскрипели, и арбор охнул.

– Так, напомни-ка, ты у нас кто? – спросил он у Луна.

– Лун, консорт Нефриты, – подсказал Лун. События далекого прошлого Штрих помнил гораздо лучше недавних, и он частенько путал Луна с консортами, которые либо уже умерли, либо много циклов назад улетели к другим дворам.

– Ах да, точно. Ты новенький. – Штрих посмотрел вниз и нахмурился. – Что это они там делают? В том бассейне.

Лун подался вперед и пригляделся. В нескольких сотнях шагов под ними несколько арборов чинили маленькую платформу. Та висела недалеко от водопада, и его брызги слегка ее подтапливали. Арборы раскапывали старый дренажный бассейн и каналы, забитые землей и заросшие сорняками. Лун сказал:

– Пытаются его расчистить. Наверное, слив засорился.

Арборы всячески старались сделать колонию снова пригодной для жизни, и дренажи с каналами, которые шли внутри дерева, доставляли им больше всего трудностей. Исполинское древо вбирало через свои корни столько воды, что исторгалась она целыми потоками. Часть уходила в струю водопада, а часть по пропиленным в древе каналам наполняла купальни и уносила нечистоты из уборных к корням. Но поскольку в древе уже несколько поколений никто не жил, каналы засорились. Арборы организовали целую команду, которая все последние месяцы только и делала, что изучала хитросплетения протоков огромного дерева и разыскивала засоры. Они говорили лишь о них, и все остальные очень скоро уяснили, на каких этажах и в каких опочивальнях лучше не появляться, если не хочешь выслушать лекцию о дренаже. А о нем слушать не хотел никто.

Лун громким свистом подозвал Стужу и Шипа. Им нужно было возвращаться в ясли, а Лун хотел иметь наготове повод уйти на случай, если Штрих начнет говорить о каналах.

Стужа и Шип заложили круг, подлетели к ветви и приземлились рядом со Штрихом.

– Мы проголодались, – заявила Стужа.

– Поздоровайся со Штрихом, – напомнил ей Лун. Учителя предупреждали его, что воспитывать маленьких королев очень непросто, но Стужа все доводила до крайности. Бывали дни, когда она вела себя послушно, но случалось, что она закатывала истерики, несла невероятнейшую чушь, которой поднимала панику среди маленьких арборов и окрыленных, и своим хамством однажды умудрилась шокировать даже Утеса.

Стужа многое пережила, видела гибель родного двора, и оттого так ужасно себя вела. Если кто-то мог понять это и справиться с ней, то этим кем-то был Лун. По крайней мере, в теории. Как бы там ни было, с тех пор как дела у двора пошли спокойнее, Стужа стала вести себя лучше, да и Лун смог проводить с ней больше времени. Хитрость заключалась в том, чтобы научить ее послушанию, не подавив при этом ту прирожденную напористость, которая была нужна хорошим королевам.

Нефрита тоже часто заходила к птенцам. Поначалу Стужа относилась к ней подозрительно, хотя Лун не мог понять, в чем именно она подозревает старшую королеву. Но недавно Стужа сменила настороженность на любопытство; теперь она часто смотрела, как Нефрита играет с другими птенцами, и иногда присоединялась к ним.

Видимо, сегодня у Стужи был день послушания, потому что она сказала:

– Здравствуй, Штрих, – и вместо извинений забралась к нему на колени.

– Здравствуй, Штрих, – повторил за ней Шип и прибавил: – Это Стужа проголодалась, а я нет. Я еще не хочу возвращаться в древо.

Шип пережил случившееся лучше брата и сестры, но еще он лучше них скрывал свои чувства. Поскольку Лун сам неплохо это умел, он без особого труда видел, когда мальчик замыкается в себе, хотя остальной двор, скорее всего, этого не замечал.

– А они проверили, что внизу? – спросил Штрих, рассеянно обнимая Стужу рукой и давая ей устроиться поудобнее. Его внимание все еще было приковано к платформе, и он хмурил чешуйчатые брови. – По-моему, она некрепко держится.

– Некрепко? – Лун вытянул шею и снова посмотрел вниз. Да, похоже, ближний к ним край платформы чуть накренился вниз. Несколько арборов усердно раскапывали канал, еще одна ушла в дальний угол пересохшего бассейна и вырывала из растрескавшейся глины мертвые лозы, и никто, похоже, не переживал из-за крена. Лун подумал, а заметили ли они его вообще; ведь уклон хорошо просматривался только с их ракурса. Он решил отвести детей внутрь, а затем полететь к арборам и предупредить...

Арбора, счищавшая мертвые лианы, дернула за неподатливый клочок, вложив в рывок весь свой вес. Лозы поддались, в арбору полетел фонтан земли, и она тяжело осела на платформу. Откуда-то снизу донесся треск, настолько громкий, что он перепугал даже арборов на соседних платформах. Воины, которые патрулировали поблизости, тут же развернулись и полетели к стволу дерева.

Все, кто стоял на кривой платформе, замерли и посмотрели себе под ноги. А затем платформа треснула напополам, и часть ее рухнула вниз, прямо у них из-под ног.

Штрих издал сдавленный, полный ужаса вопль, птенцы заверещали. Арборы, что трудились у деревянного канала, вцепились в оборванные корни, все еще вплетенные в опорную ветвь, а глиняный бассейн тем временем продолжал рассыпаться у них под ногами. Ближайшие воины кинулись к ним. Однако та арбора, что находилась в дальнем углу бассейна, не смогла удержаться. Падая, она попыталась схватиться за большой корень и на миг даже повисла на нем – но затем он оборвался, и арбора вместе с обломками полетела к земле.

Воины были близко и могли спасти остальных, но не ее. Лун подтолкнул Горького и Шипа к Штриху.

– Оставайтесь с ним!

Затем он вскочил на ноги и очертя голову бросился вниз.

Падая, Лун боролся с желанием перевоплотиться. Когда он пролетел мимо разрушенной платформы, с нее посыпались комья земли, глины и оборванных корней. Среди обломков он не мог расправить крылья, и ему оставалось лишь надеяться, что его тяжелое земное тело будет лететь быстрее легкого крылатого.

Далеко внизу арбора отчаянно пыталась замедлить свое падение, хватаясь за корни и ключья земли, до которых могла дотянуться.

Наконец облако из обломков стало реже, и Лун перевоплотился. Он дважды с силой взмахнул крыльями, спикировал на арбору, как если бы охотился на крылатого зверя, и схватил ее прямо в воздухе. Она завизжала Луну в ухо, ухватила за него, но, к счастью, не вонзила когти ему в чешую. Краем зрения Лун заметил над собой какое-то движение и извернулся, поджав крылья. Мимо, чуть не задев их, пронесся ком из древесины и земли размером с небольшой холм.

Глянув наверх, Лун увидел, что воины уже сняли остальных с платформы. «Хорошо, все целы». Ему совсем не хотелось беспомощно смотреть на то, как арборы разбиваются насмерть.

Он снова извернулся и расправил крылья, чтобы поймать ими воздух и затормозить. Превратив падение в парение, он повернул к водопаду и стал облетать комья земли, все еще падающие вниз.

– Ты в порядке? – спросил он арбору. По телосложению и темно-зеленой чешуе он принял ее за Сливу, одну из молодых охотниц. Однако девушка прятала лицо, уткнувшись ему в грудь, и Лун не мог точно сказать, она ли это.

Арбора глухо всхлинула и кивнула. Лун заложил еще один круг, чтобы посмотреть, куда упадут обломки. Внизу жили кеки, маленькие земные обитатели, которые построили свою деревню среди корней исполинского дерева. Но их жилища стояли по другую сторону от колонии и чуть поодаль от нее. Кроме того, самые крупные обломки ударялись о крутой склон ствола и рассыпались на маленькие куски. Если до земли и долетит что-то небольшое, то оно вряд ли зашибет кеков, которые могли собирать внизу ягоды и корни.

Лун поймал ветерок и позволил ему отнести себя выше. Он надеялся, что не сломал Сливе ребра. Ловя ее, он старался не врезаться в охотницу слишком быстро, но и осторожничать не мог, потому что боялся промахнуться.

Вскоре Лун оказался рядом с большой садовой платформой, над которой кружили воины и где вокруг спасенных арборов уже собралась толпа. Он подлетел ближе и, легонько опустившись на траву, попытался поставить Сливу на ноги. Та приняла земной облик, но не отпустила его.

Звон первым очутился рядом с ними; он чуть расправил крылья и перепрыгнул с одного края платформы на другой, пролетев прямо над головами арборов, которые бросились к ним.

– Она в порядке? – спросил он, взволнованно поглаживая Сливу по волосам. – Ты в порядке?

Слива сделала глубокий вдох и наконец смогла разжать руки.

– Да, все хорошо. – Она подняла голову и посмотрела на Луну. Ее глаза были широко распахнуты, а медная кожа потемнела от прилившей крови. Вид у нее был такой, словно ее сейчас вырвет. – Спасибо, Лун. Я не... Я никогда прежде не падала... Шалфей однажды случайно меня уронил, когда мы были маленькими, но тогда было невысоко...

Остальные арборы подбежали к ним. Первыми подросли Толк, Кора и Река. С облегченными, сочувствующими возгласами они отвели Сливу от Луны и усадили ее на землю.

– Хорошо, что ты оказался рядом, – пробормотал Звон, глядя на них. – Воины были далеко и вряд ли успели бы ее поймать.

– Ты же тоже воин, – напомнил ему Лун. Звон порой об этом забывал.

Бывший наставник недовольно посмотрел на него. Он терпеть не мог, когда ему напоминали.

– Знаю, но я бы точно ее не поймал.

Скорее всего, он был прав: консорты летали почти вдвое быстрее воинов, и Слива очень долго падала среди обломков. Впрочем, Лун не видел смысла гадать о том, что могло случиться; он был рядом и смог помочь, вот и все.

– Ты ничего не «слышал» перед тем, как платформа треснула?

– Нет. – Звон поморщился. – Прокру от меня все еще никакого.

С тех пор как они вернулись из города на спине морского левиафана, на Звона время от времени снисходили озарения, но полезными их было не назвать. Порой он чувствовал, что над ними пролетает облачный странник – причем тот парил так высоко над лесом, что даже остроглазые раксуря не могли его разглядеть. Когда Душа погружала воина в легкий транс, он слышал низкие, урчащие голоса, и наставники считали, что это говорят исполинские деревья. Но он не мог ни колдовать, ни предсказывать, ни даже почувствовать, где затаились опасные хищники. Это огорчало, но странные новые способности Звона так сильно помогли им на левиафане, что ждать от них большего казалось просто неблагодарным.

У ствола дерева Лун заметил Нефриту – та вместе с Елеей спускалась по спирали вниз, к разрушенной платформе. Набат, глава касты солдат, стоял на краю целой и ждал их, уперев руки в боки и всем своим видом выражая отвращение к ситуации. «Он прав, такие неприятности нам не нужны», – подумал Лун.

Затем поблизости приземлилась Жемчужина, заставившая арборов разбежаться. Она оглядела всех и спросила:

– Никто не пострадал?

– Все в порядке, – сказала ей Река. – Воины успели всех снять. А Лун спас Сливу.

Тогда Жемчужина обратила взор на Луну.

– Где птенцы?

Лун встревоженно поднял голову. Но птенцы все еще были со Штрихом – тот уже вел их по широкой ветви к наростам на стволе, по которым можно было забраться внутрь. Горький,

приняв крылатый облик, жался к Штриху и обнимал его за шею, а Стужу старый арбор крепко держал за руку. Юная королева вытягивала шею, пытаясь разглядеть, что сейчас творится на платформе, и не отпускала Шипа, который послушно плелся следом. Штрих, будучи опытным учителем, все сделал правильно – из троих птенцов больше всего неприятностей стоило ждать от Стужи.

Жемчужина проследила за направлением взгляда Луна, и ее шипы дрогнули – не то от облегчения, не то от сдержанной злости. Она не могла отчитать его за то, что он оставил птенцов с пожилым, уважаемым учителем. Зашипев, Жемчужина, отвернувшись и стала искать себе следующую мишень.

– Набат!

Глава солдат подскочил к ней. Сдержанно уложив шипы, он доложил:

– Похоже, все дело во влаге. Канал, который вел к фонтану, забился, и вода стала просачиваться вниз, отчего корни под платформой подгнили.

– Ну конечно. – Жемчужина повернулась, оглядела сначала эту платформу, затем те, которые находились выше и с которых свисали заросли корней и лиан. – Нужно проверить каждую платформу, где есть каналы, неважно, забитые или нет.

Набат был храбрым арбором, но даже он заметно подобрался, прежде чем сказать:

– Нефрита и Елея уже начали.

Впрочем, Лун уже успел заметить, что Жемчужина никогда не реагировала так, как от нее ждали другие. Вместо гневной тирады о том, что Нефрите следовало дожидаться ее решения, королева усмехнулась и сказала:

– Я пошлю к ним на помощь воинов. – Затем она оглядела арборов, которые собрались вокруг, чтобы послушать. – Я хочу, чтобы вы держались подальше от платформ с засорившимися бассейнами. Но скажите, согласны ли вы остаться здесь и завершить посев?

Набат оглядел остальных, пытаясь понять их настроение. Кто-то выглядел испуганным, кто-то сомневался, но большинство просто кивнуло. Кто-то из хвоста толпы заметил:

– Вот мы и узнали, о каких «волнениях» говорилось в предсказании.

Остальные согласно забормотали. Еще один арбор произнес:

– Нужно собрать созревшие ягоды на нижних платформах. Мне кажется, завтра они уже перезреют.

Жемчужина согласно кивнула.

– Работайте быстро. – Она присела, взвилась в воздух, расправила могучие крылья и, взмахнув ими, полетела к дуплу.

Звон облегченно вздохнул.

– Я думал, она будет ругаться сильнее.

Лун не спорил.

– Ты поможешь Нефрите и Елее? – Звон был внимательнее прочих воинов.

Звон рассеянно кивнул.

– Да, наверное. Начну с этой платформы.

Набат недовольно зыркнул на Звона.

– На ней же вообще нет дренажа.

– Лучше перестраховаться. – И Звон взмыл в воздух.

Набат повернулся к Луну и слегка натянутым голосом спросил:

– Ты останешься здесь? – Набат был вторым братом Звона. Когда Лун только заявился в колонию, глава солдат вместе с другими арборами противился тому, чтобы он остался. С тех пор многое изменилось, но из-за того случая их отношения оставались прохладными. – Другим будет легче работать, если ты подежуришь рядом.

Те из арборов, что еще не разошлись и слышали их разговор, взволнованно смотрели на Луна.

– Мне точно будет легче, – с жаром сказал Перец.

Лун подумал, что они переоценивают его способности. Если развалится какая-нибудь большая платформа, он вряд ли сможет помочь. Но ему было приятно, что его попросили.

– Останусь, – ответил он.

Глава 3

Арборы проработали почти до самого вечера, собрали ягоды и завершили основные посевные работы. Вдобавок они все время проверяли, не протекают ли засорившиеся каналы и не подгнили ли опоры. Нефрита, Елея и несколько воинов просматривали платформы снизу и нашли несколько неустойчивых. После этого все поняли, что им придется тщательно проверить каждую платформу дерева.

Внутри все вернулись на закате. Убрав урожай ягод в закрома, Лун и остальные собрались в приемном зале, где стали обсуждать случившееся вдоль и поперек, беспокоиться, выдумывать всевозможные планы и отбрасывать их в сторону. Все понимали, что от садовых платформ зависело выживание двора, и потерять их они не могли. Да, дичи вокруг водилось немало, но им же нужно было дополнять рацион корешками и фруктами. Они уже торговали с Изумрудными Сумерками и обменяли часть тканей и сырья, которое привезли из старой колонии, на сушеный чай и зерна местных растений, но ведь двор не мог вечно покупать еду. Особенно теперь, когда визит Бури завершился, не начавшись, и их отношения с Изумрудными Сумерками стали, наверное, еще сложнее, чем прежде.

– Может, они сгнили из-за того, что в древе долго не было семени, – предположил Толк, когда его, как наставника, попросили высказаться. – Внутри древо восстановилось и окрепло, но если какие-то корни и ветви платформ погибли...

Звон несогласно хмыкнул.

– Такое мы бы уже заметили. – Звон часто дерзил молодым наставникам. Остальные думали, что он просто завидует их способностям. Но Лун знал точно – Звон просто завидует их способностям.

Крестец помотал головой. Выглядел он уставшим и встревоженным, да и казался старше, чем обычно.

– Может быть, Толк прав, а может быть, древесина просто сгнила от воды в засорившихся каналах. Ей же нужно было куда-то уходить, вот она и просачивалась прямо через платформы.

Нефрита сказала:

– Как это произошло, мы разберемся потом. Сейчас нужно решить, как будем восстанавливать поврежденные ветви и корни. – Жемчужина и почти вся ее свита уже удалились, но Нефрита, подперев рукой подбородок, задумчиво прислушивалась к обсуждению и давала всем высказать свои страхи и беспокойства. Однако Лун видел, что она устала и тоже хочет уйти.

Когда все начали наперебой придумывать, как починить платформы, Лун встал, прошел через толпу и сел на пятки рядом с Нефритой. Оставаясь в земном облике, он прижался к ней и ощутил исходившее от ее чешуи тепло. Когда он потерся носом о плечо Нефриты, она взяла его за руку, тут же встала и потянула его за собой. Звон и Елея подняли глаза и вопросительно посмотрели на них. Лун едва заметно мотнул головой, говоря им остаться. Если бы Нефрита хотела, чтобы с ними пошел кто-то еще, она бы их позвала.

Когда они забрались на верх колодца и оказались в опочивальне Нефриты, та застонала. Да уж, день выдался долгим.

– Нужно было проверить платформы сразу же, как только мы сюда прилетели. И почему я до этого не додумалась?

– На вид-то древо было крепким, – заметил Лун. Он принял земной облик, подошел к очагу и поставил чайник на горячие камни. – И оно много циклов стояло само по себе, не ломаясь. – Что лишь подтверждало теорию Толка о том, что гниение началось после кражи семени.

– Да, но... – Нефрита потеряла лоб, затем тряхнула шипами, словно отгоняя бессмысленные самоупреки. Она начала снимать с себя украшения – браслеты, пектораль, пояс, – и складывать их в сверкающую кучу на ковре из звериной шкуры. – Жемчужина сказала, что королевский выводок видел, как упала Слива и остальные. Они не испугались?

– Нет. – Днем Лун ненадолго отвлекся от дел, чтобы проведать птенцов. – Кажется, им понравилось смотреть, как мы с воинами их ловили.

Нефрита усмехнулась.

– Ну конечно. – Купальня уже была наполнена, и горячие камни нагрели воду настолько, что от нее поднимался парок. Нефрита сделала шаг и окунулась с головой. Лун скинул рубаху, штаны и присоединился к ней.

Вода грелась весь день, и другие земные создания ошпарили бы свою нежную кожу, но ракура любила жар и могли выдержать его даже в самом уязвимом облике. Лун уселся поудобнее, прислонился спиной к гладкой каменной стенке купальни и почувствовал, как расслабляются его мышцы.

Нефрита всплыла и приняла облик арборы. От перемены вода вокруг нее вспузырилась. Затем королева легла на спину, и гребни веером расплылись вокруг ее головы.

Лун откинул голову на край купальни и вдохнул пар.

– Что вы с Жемчужиной решили насчет арборов? Позвольте им заводить выводки?

– Мы хотели дать им добро сразу после первого сбора урожая, когда созреют красные клубнеплоды, и попросить, чтобы они не торопились рожать все разом. Но теперь я не знаю, стоит ли нам начинать. – Затем она устало прибавила: – Впрочем, двору все еще нужны воины. Я лишь надеюсь, что на этот раз арборы породят хотя бы несколько выводков с ними.

– Может быть, у нас получится выводок воинов, – сказал Лун, чтобы посмотреть, как Нефрита на это ответит.

– Может быть, – сухо сказала она, и легче ему от этого не стало. Затем она подплыла к Луну, окутанная завихрениями пара, и оперлась локтем на край купальни. – Как дела у Горького?

Лун провел пальцами по ее гребням, качавшимся на воде, и попытался сделать вид, будто не заметил, как быстро она сменила тему.

– Пока что никак.

– Поговори с Утесом, когда он вернется.

Луну не хотелось говорить с Утесом. Он хотел справиться с Горьким сам. А еще он боялся, что Утес пойдет на более решительные меры.

– Он скинет Горького с ветви и заставит его полететь.

Нефрита засмеялась.

– Не скинет.

– Если бы я не хотел летать, то он бы меня скинул.

– Да, но это же ты. – Закрыв глаза, Нефрита снова опустилась под воду. Над окутанной паром поверхностью остался лишь ее нос.

Лун спросил:

– Хочешь лечь спать?

Она села, расплескивая воду.

– Позже.

Лун улыбнулся ей, внезапно ощутив, что все его тревоги можно запросто отложить на потом.

– И чем же ты тогда хочешь заняться?

Нефрита взяла его за руку и, выходя из воды, потянула Луна за собой.

– Догадайся.

* * *

На следующее утро Лун проснулся на висячей кровати в опочивальне Нефриты. Та уже не спала, а сидела рядом и смотрела на него.

Он потянулся, зевая. В воздухе пахло рассветной свежестью, сладковатой листвой древа и Нефритой. Лун посмотрел на нее все еще мутными ото сна глазами и вдруг понял, что вид у молодой королевы задумчивый и встревоженный.

– Что-то случилось?

Она моргнула, словно была насколько поглощена мыслями, что не заметила, как он проснулся.

– Нет, ничего. – Нефрита прислонилась спиной к изогнутому борту кровати и откинула гребни назад. Она была в облике арборы и казалась почти беззащитной без своих привычных тяжелых украшений. – Я просто не могла уснуть.

В опочивальнях было тихо и слышалось лишь журчание воды, стекавшей из канала в бассейн. Не давая себе времени передумать, Лун спросил:

– Ты все еще хочешь завести выводок?

– Конечно. – Нефрита ответила убежденно, с нажимом, чем порадовала его, но вид у нее все равно был такой, словно она думала о чем-то другом. Затем она вдруг резко перевела взгляд на него. – А почему ты спрашиваешь? Потому что мы хотим просить арборов повременить с этим?

– Ага, поэтому. – Лун перекатился к ней поближе, просунул руку под ее талию и уткнулся лицом в мягкую чешую на животе. Нефрита не передумала, а, значит, проблема все же была в нем. Ему нужно было с кем-то поговорить, выяснить, что с ним не так и пройдет ли это само. Но с кем? Другие наверняка передадут разговор Нефрите или, еще хуже, Жемчужине. – Я подумал, что ты тоже захочешь подождать.

Она запустила пальцы ему волосы, затем помассировала его плечо, проводя когтями по коже.

– Нет. Нет, ждать я не хочу.

* * *

Несколько дней арборы отводили от самых неустойчивых платформ дренажные каналы и, чтобы укрепить их, вплетали в остовы живые ветви. Лун на всякий случай оставался рядом – вдруг кто-нибудь упадет – и иногда помогал с работой, для которой требовались крылья или длинные руки. Прерывался он изредка и лишь для того, чтобы сходить в ясли или вывести королевских птенцов на прогулку. Стужа всякий раз расстраивалась из-за того, что арборы больше не падали – ей понравилось, как быстро летел Лун, чтобы их поймать.

Многие воины тоже помогали чинить платформы, да и Нефрита с Жемчужиной выходили подсобить в самых трудных местах, но почему-то арборы все равно хотели, чтобы Лун был рядом. И они всячески показывали, насколько благодарны ему. Каждый вечер на ужин они обязательно готовили его любимые острые корешки. Река смастерила ему новый кушак с узорами, вышитыми черной нитью по голубой шелковистой ткани, которую они привезли из старой колонии. Появлялись в его опочивальне и другие дары – цветы, полированные камушки, плетеные браслеты из кожаных шнурков с медными бусинами. Может быть, раксуря верили, что консорты приносят удачу? Как бы там ни было, Лун много месяцев ждал, что двор захочет его прогнать, и теперь мог хотя бы на время вздохнуть с облегчением.

Несколько дней спустя Лун висел на одной из опор под платформой, держась за нее когтями ног, и подсказывал арборам наверху, как подобраться к мертвой ветви, которая сплелась

с живыми корнями. Она частично сгнила, отчего в будущем платформа могла обрушиться, но сейчас казалась довольно прочной. Арборы, шурша травой, как раз шли к поврежденному месту, которое отметил Лун, когда к нему подлетел Поток.

Схватившись когтистой лапой за корень, Поток повис на нем, отчего платформа дрогнула.

– Что это было? – крикнул кто-то сверху. Голос пробился через несколько слоев дерна и веток и прозвучал приглушенно.

– Ничего, – успокоил Лун арборов. Впрочем, говорил он не столько о появлении Потока, сколько о личностных достоинствах воина. – Совершенно ничего. Продолжайте идти сюда. – Снова послышались шорохи и шаги – арборы продолжили подбираться к гнилой опоре.

Поток перелез поближе и сложил крылья. Чешуя воина была голубой с зеленоватым отблеском, а в земном облике он становился темноволосым с медной кожей. Он сказал:

– Они же тобой пользуются. Нагружают работой, как простого воина.

Лун рассмеялся.

– Спасибо. Ты всегда так беспокоишься о моем благополучии.

Поток встопорщил шипы, выражая презрение и насмешку.

– Ты даже не представляешь, как на это посмотрят другие дворы.

Лун все прекрасно себе представлял, но не собирался из-за этого останавливаться. Зная Потока, тот лишь повторял слова Жемчужины, сказанные за закрытыми дверями. Оставалось неясно, хотела королева, чтобы Луну передали ее мнение или нет – сам Поток начинал говорить от ее имени лишь тогда, когда Жемчужины поблизости не было.

– Если не хочешь, чтобы другие дворы что-то узнали, то не рассказывай им.

– Ты думаешь, никто не проболтается, когда к нам снова прилетят поторговать? – Веселость Потока начала сменяться искренним раздражением. – Дворы Пределов должны перестать видеть в нас беженцев, которые едва сводят концы с концами и которые вернулись в свое старое древо, чтобы спокойно подохнуть. Они и так уже знают, что наш консорт – безродный дикарь, но ты ведь еще и ведешь себя так же! Ты позоришь нас всех, из-за тебя мы кажемся слабыми и никчемными.

Поток, скорее всего, был прав, и Луна это задело. Он огрызнулся:

– Если сады продолжают рушиться, всем будет плевать, какой у вас консорт. – Наверху арборы уже раскапывали землю и подбирались к ним, а Лун не хотел, чтобы они услышали этот разговор.

– Вот именно. – Поток оскалился от досады. – Если бы королевы могли уговорить соседние дворы дать нам другого консорта, неужели ты думаешь, что они бы этого не сделали?

Над головой Луна раздался треск – арборы пробились через засохшую корку над опорами. Послышался голос Ежевики:

– А, так это Поток. Вот откуда шум.

Перец подхватил:

– Ну конечно, помощи-то от него не дождешься!

Поток зашипел на них, опустил ветвь и, расправив крылья, поймал восходящий порыв ветра.

Лун остался на месте, вонзив когти поглубже в дерево. Ежевика, Перец и остальные тем временем продолжили копать, болтать между собой и пилить гнилую опору. Лун не верил, что арборы нарочно им пользуются. Просто у них уже много циклов не было настоящего первого консорта, с тех самых пор, как умер Дождь, консорт Жемчужины. После этого при дворе остался лишь Утес и молодые Прах с Ожогом, которых отправили к другим дворам. Может быть, арборам просто не приходило в голову, что подумают о Тумане Индиго другие дворы, ведь они видели чужих королев и воинов, только когда те прилетали с визитом, а такое случилось редко даже в старой колонии.

«Это неважно», – подумал Лун. Неважно, что арборы, воины или даже Нефрита не говорили, как он должен себя вести, и многое ему прощали. Оправдания были никому не нужны. «Придется разбираться во всем самому, как и всегда».

* * *

Позднее в тот же день поднялся сильный ветер и началась гроза, отчего всем пришлось вернуться в древо. Нефрита с Елеей были заняты и затерялись где-то в колонии, так что Лун пошел спать в опочивальню Звона.

Упрямый Звон отказался заселяться на этажи воинов и остался на этаже учителей. К счастью, он занял опочивальню с балконом, который выходил в нижнюю часть центрального колодца, прямо под приемным залом. Лун терпеть не мог грозы, но толстый ствол дерева заглушал раскаты грома, превращая его в далекий тихий рокот, а с балкона в опочивальню веяло свежим воздухом, который пах дождем. Кровать Звона была теплой и удобной, но у Луна никак не получалось расслабиться и уснуть.

Наконец он произнес:

– Мне нужно кое-что у тебя спросить.

– Хм-м. – Звон, полусонный, уткнулся Луну в плечо. Воин утверждал, что привык ко всем особенностям жизни воинов, которые отличали их от арборов, кроме одной. Окрыленные спали гораздо дольше. И, стоило Звону уснуть, разбудить его было почти невозможно.

– Скажи, консорты и арборы-мужчины могут подавлять свою плодовитость, как это делают королевы и женщины? – Лун надеялся, что он просто делал что-то не то или чего-то не делал, и поэтому Нефрита не могла зачать выводок. Вдруг дело было в какой-то мелочи, о которой знали все, кроме него, и о которой никто не додумался ему рассказать.

В последние месяцы Лун выяснил все, что мог, о выводах и птенцах. Он узнал, почему те так часто рождались мертвыми. Наставники объяснили ему, что малышей одного выводка можно зачать в разное время, поэтому, когда первый уже готов появиться на свет, последний может оказаться недоразвит. Кроме того, королевы развивались в утробе быстрее консортов, а консорты – быстрее воинов. А вот арборам повезло больше – окрыленные и бескрылые малыши развивались в почти одинаковом темпе. Луну казалось, что он задал все самые важные вопросы, но тогда ему и в голову не пришло, что сам процесс зачатия мог оказаться сложнее, чем он думал.

Звон приподнялся на локте и, едва разлепив глаза, уставился на него.

– Нет. Зачем нам это вообще?.. То есть *им* это зачем? Не нужно это никому. Женщины сами решают, когда заводить потомство. – Он недоуменно покачал головой. – А почему ты спрашиваешь?

– Да просто так. – Лун разочарованно вздохнул. Что ж, жаль. Впрочем, возможно, у консортов были свои секреты, о которых не мог знать бывший наставник. Но Лун в этом сомневался. Теперь у него осталась лишь одна теория: что он оказался не таким плодовитым, какими должны быть консорты.

Звон снова улегся и проворчал:

– Ну и вопросы у тебя.

* * *

Несколько дней миновали почти без происшествий. Платформы больше не падали, никто сильно не болел, да и на охоте все отделялись только небольшими травмами. Работа в садах шла хорошо, и охотники решили, что пора научить маленьких воинов и молодых арборов

добывать себе пропитание. Лун воспользовался возможностью и попросил, чтобы ему разрешили взять с собой Стужу, Шипа и Горького.

Раксура считали, что королевы и консорты не должны охотиться. Их учили, но намного позже, когда они уже выходили из яслей. Однако Лун бы погиб еще в детстве, если бы приемная мать не научила его добывать себе пропитание, едва он начал прыгать с ветки на ветку. Лун думал, что Жемчужина не захочет, чтобы королевские птенцы учились наравне с остальными, и ее придется долго уговаривать. Однако королева лишь немного поворчала и быстро согласилась.

Из-за этого Лун сильно разволновался. Уж очень легко Жемчужина ему уступила. Словно ей почему-то стало его жаль. Лун по ошибке сказал об этом Звону, который ответил:

– Ты и правда чокнутый, да?

– Да нет же, – раздраженно прошипел Лун. – Просто странно это. Я же вижу, что она пошла мне навстречу, но с чего бы?

Звон вздохнул.

– Наверное, она считает, что обязана тебе за тот случай, когда ты спас Сливу. И ты здорово помог арборам в садах.

Лун неохотно признал, что Звон, наверное, прав.

Несмотря на терзавшие Лун подозрения, день выдался хорошим. Лун не позволил Стуже и Шипу поучаствовать в ловле зверей, – вместо этого они смотрели, как охотятся другие, – но зато потом он разрешил им помочь арборам обескровить и разделать добытые тушки. Горький не пытался летать, но прогулка ему явно понравилась. Его всюду таскали на себе Лун, Елея, Звон и воительница Флора, а еще Крестец и некоторые охотники. Больше всего с маленьким консортом возились Ежевика и Посол. Горький тоже помогал разделять добычу и перемазался в грязи, глине и крови ничуть не меньше Стужи и Шипа.

Когда они вернулись в древо, Лун отвел птенцов в ясли, где их умыли и уложили спать. По пути наверх он прошел мимо одной из небольших мастерских. В ней он увидел двоих арборов – те сидели на полу, склонившись над сверкающей кучкой деталей, сложенных на каменной плите, и увлеченно спорили между собой, какие камни подойдут больше – полированные ониксы или аметист. Это были Смешок и Злата, два лучших ювелира двора. Луну стало любопытно, что они там делают, и он вошел в мастерскую.

На полу лежала полоска шириной в палец, разобранная на отдельные звенья. Лун не смог понять, во что она собиралась – в браслет или в ожерелье. Звенья были выполнены в виде гибких фигурок окрыленных, которые переплетались друг с другом, чуть расправив крылья, и протягивали руки, в которые мастера еще не вложили полированные камни. Лун в очередной раз восхитился сложными творениями арборов и тому, сколько труда они были готовы вложить в свои произведения.

– Как красиво.

Смешок и Злата одновременно вздрогнули и посмотрели на него.

– Лун! – выдавила Злата, арбора постарше с пышными кучерявыми волосами рыжего цвета. – Мы, э-э-э, не слышали, как ты вошел.

– Извините. – Лун сел на пятки, чтобы посмотреть на изделие поближе. – Это для Нефриты или для Жемчужины? – Наверное, теперь, когда к ним стали прилетать раксура из других дворов, арборы считали своим долгом сделать наряды королев еще более роскошными.

Лун поднял глаза и заметил облегчение, промелькнувшее на лице Златы. Однако оно исчезло так быстро, что Лун засомневался, не показалось ли ему.

– Для Жемчужины, – ответил Смешок. Приподняв брови, он прибавил: – Как думаешь, ей понравится?

Злата несильно толкнула его в плечо и одарила сердитым взглядом. Это Луну уже точно не показалось.

– Конечно, понравится, – сказал он и встал, собираясь уйти. Он не хотел никого смущать. А мастера, наверное, подумали, что раз они делают украшение Жемчужине, а не Нефрите, то он обидится.

Лишь два дня спустя Лун узнал, для кого на самом деле так старались ювелиры.

* * *

Дождь шел всю ночь и большую часть утра, не давая никому работать на платформах, поэтому почти весь двор остался в древе. Лун сидел со всеми остальными в чертоге учителей, где любили собираться как арборы, так и окрыленные.

Чертог был большим и располагался прямо под приемным залом. Его стены и купольный потолок покрывала детально проработанная резьба, на которой изображался лес перистых, спиральных, папоротниковых и многих других деревьев. Их ветви тянулись вверх и сплетались на потолке, а корни обрамляли круглые проемы, которые вели в смежные коридоры. В стены были вставлены ракушки, источавшие мягкий белый свет, а в чашах-очагах лежали горячие камни. Здесь было уютно и тепло. Зал никогда не пустовал, и если кто-то хотел поговорить или послушать разговоры других, то идти следовало именно сюда. Кто-нибудь обязательно варил здесь чай, готовил корешки со специями или пек хлебные лепешки, а арборы постарше рассказывали истории или читали вслух книги из библиотеки наставников.

Чтения как раз нравились Луну больше всего, ведь иначе он не мог узнать, что было написано в тех книгах. Он умел читать и говорить на двух других языках, которым обучился сам. Однако альтанская и кедайская письменность была простой, а письменность ракура оказалась столь же изощренной и запутанной, как и сами ракура.

Лун пытался избавиться от неграмотности и частенько заходил в ясли, когда птенцов учили читать. Он сидел со Стужей, Горьким и Шипом, пока Река, или Кора, или какая-нибудь другая учительница чертила на глиняных табличках буквы и слова, а птенцы повторяли за ними. Когда они читали простые книжки, Лун читал у них из-за плеча. Учиться так было сложно, ведь он не мог приходить на все уроки и не мог задавать вопросы, чтобы не выдать своего секрета. Однако в чем-то он все же преуспел: выучил все буквы, знал, какие звуки они означают, и уже начал узнавать некоторые слова. Похоже, никто не понимал, что он делает, кроме, как ни странно, Шипа.

Когда он пришел на урок в третий раз, Шип задумчиво покосился на него, а затем повернул свою табличку так, чтобы Луну было лучше видно. Лун в ответ покосился на него, но больше они об этом не говорили, и старший консорт был уверен, что Шип ни с кем не делился своими подозрениями, даже со Стужей и Горьким. Скорее всего, Шипу нравилось, что у него с Луном есть общий секрет, который знают лишь они двое. Луна это тоже устраивало.

Но в тот дождливый вечер никто не принес в чертог учителей книгу. Вместо этого Река попросила:

– Лун, расскажи нам о земных обитателях.

Арборы и воины постарше сели поближе, чтобы послушать, и даже молодые воины, державшиеся поодаль, с трудом скрывали свое любопытство. Весь двор знал, что жизнь Луна разительно отличалась от жизни обычных ракура, но почти никто не мог себе представить, в чем именно. Они знали, что он побывал в самых разных и самых необычных местах – но ведь и Утес много путешествовал. Лун не видел смысла рассказывать им, насколько тяжело ему жилось, и поэтому избегал некоторых подробностей. Например, он не говорил о том, как однажды ему пришлось бежать среди ночи из высеченного в скале города, как он оказался пойман в западню в одном из туннелей и как ему пришлось прятаться в узкой трещине, куда он едва помещался, пока бывшие товарищи из народа морейн охотились на него.

Поэтому он рассказал им о всячем городе Зенна, о дешарцах, которые там жили, и об их запутанных обычаях, которые сильно осложняли жизнь всякому чужаку. Конечно же, всем захотелось послушать о том, как дешарцы относились к сексу, и их нравы озадачили других ракура так же, как когда-то Луна.

– Получается, если они переспят друг с другом, не проведя эту церемонию, то переспать снова уже не смогут? – спросил Крестец, задумчиво почесывая шрам на шее. У него явно не получалось понять причудливую логику дешарцев.

Лун попытался объяснить:

– Почти. Спать можно только со своим спутником жизни, а он может быть лишь один, и менять его нельзя. Спутниками жизни становятся во время церемонии, и если ты переспшишь с кем-то до нее, то потом никто не захочет с тобой связываться.

Кора нахмурилась.

– Но зачем им вообще нужен спутник жизни? Да еще и один, и навсегда? – Не считая королев и консортов, ракура себя так не ограничивали.

– Чтобы завести детей. Если у тебя появится ребенок не от твоего спутника жизни, то будет плохо. И тебе, и ребенку. – А еще ракура не могли понять, как ребенок может быть нежеланным. У королев и арборов выводки появлялись лишь тогда, когда они сами того хотели, а для того, чтобы заботиться о малышах и птенцах, существовала целая каста учителей.

– Но как они вообще узнают, спал кто-то с кем-то или нет? – недоуменно спросил Звон. – Откуда? Ведь если они переспали с кем-то без церемонии, то можно же об этом просто помалкивать, верно?

– Они меняют окраску после секса? – задумчиво спросила Елея.

– Нет. Другие просто узнают и все. Я сам так и не понял как и откуда, – признался Лун. Крестец усмехнулся и потянулся к чайнику.

– Чудные создания. Впрочем, о нас они, наверное, сказали бы то же самое.

Столкнись дешарцы с ракура, они бы, скорее всего, ничего не сказали, а впали бы в панику. На востоке, где дворы ракура встречались нечасто, земные обитатели принимали их за Сквернов. Но не успел Лун сказать об этом, как с лестницы, что вела в приемный зал, к ним сбежал солдат. Его звали Ячмень, и он сразу же крикнул:

– Где?.. Лун, к нам только что прилетели гости из другого двора! Две королевы и несколько воинов. А еще с ними консорт!

Раздались ахи и возгласы. Лун обеспокоенно переглянулся со Звоном и Елеей. Похоже, гости явились с официальным визитом, причем с самым официальным из возможных. «И конечно же, они прилетели именно сегодня», – подумал Лун. За утро в приемном зале наверняка наследили и натащили туда воды. Зная ракура, гости, скорее всего, нарочно подгадали время, чтобы поставить двор в неловкое положение. Лун сказал:

– Королевам кто-нибудь сообщил?

– Да, Шалфей полетел к ним, – сказал Ячмень, подпрыгивая на месте от волнения.

Река поспешно встала и стряхнула с себя крошки. Затем она сказала Елее:

– Нужно сначала подать им чай в приемный зал, дать гостям возможность обсохнуть, и уже потом проводить их в королевский чертог.

Елея тоже поднялась на ноги и беспомощно оглядела себя.

– Мне нужно идти к ним. – Гостей всегда встречали старшие воительницы, а поскольку Елея была сестрой Нефриты, эта обязанность ложилась на ее плечи. Сейчас она была одета в старые коричневые штаны и рубаху, заляпанную ягодным соком, а из украшений на ней поблескивал лишь медный браслет, надетый выше локтя. Елея все равно была красивой, но она не могла встретить двух чужих королев и консорта в таком виде. Лун выглядел еще хуже, но его позовут в зал, только когда закончится формальное приветствие, а если королевам захочется потянуть время, то это случится ой как нескоро.

– Подожди, подожди, – остановила ее Река, после чего быстро стащила с себя платье и протянула его Елее. – Надень!

– О, хорошая мысль. – Елея переделалась. Воительница была намного выше Реки, и на ней платье без рукавов походило скорее на тунику. Тем не менее, сшитое из мягкой голубой ткани, которая к подолу становилась лиловой, оно хорошо смотрелось на ее темной земной коже. Кто-то еще передал Елее ожерелье с плоским полированным аметистом, и наконец все решили, что воительницу можно отпускать к королевам.

Сделав глубокий вдох, Елея пошла за Ячменем вверх по лестнице. Остальные разбежались в поисках подушек и хороших чайных сервизов. Лун же боковыми коридорами вышел к лестнице и стал подниматься на этаж консортов.

По пути наверх он предупреждал всех встречных о гостях. Добравшись до этажей окрыленных, он миновал уровень королев и пошел наверх в покои консортов. Пройдя по лабиринту пустых спален, передних и умывален, он наконец оказался в своей опочивальне, которая располагалась прямо над опочивальней Нефриты.

Лун редко бывал здесь. Вечера он проводил либо с Нефритой, либо со Звоном, либо со всеми остальными в чертоге учителей. И все же у него впервые в жизни появилось собственное постоянное жилище, которое не нужно было ни с кем делить.

Сводчатый потолок был украшен резными изображениями окрыленных в полете. Фоном им служили волны – Звон как-то сказал Луну, что они символизируют западный ветер. Кровать, похожая на половинку огромной скорлупы, висела у дальней стены, и на ней были разложены мягкие одеяла и подушки. Посреди комнаты стоял очаг в виде чаши, наполненной горячими камнями. На полу были разложены шкуры и подушки, а у противоположной стены стояла плетеная корзина из камыша, в которой тоже лежали одеяла, а еще одежда. Обычно у консортов-сверстников Луна пожитков было гораздо больше, а одеяния и преподнесенные им дары занимали несколько таких корзин. У Луна же была узенькая полка в стене, на которой лежали вещицы, подаренные ему птенцами и маленькими арборами во время его походов в ясли. Там лежали красивые камушки, деревяшки и даже замысловатые поделки из веточек и скрученных тряпок.

Лун открыл корзину и достал свои лучшие одежды. Штаны и рубаха были сшиты из шелковистой синей ткани, настолько темной, что она казалась почти черной. Еще он подпоясался широким кушаком, расшитым золотой нитью, и надел подарок Нефриты – тяжелый браслет из красного золота, украшенный гравировкой в виде двух гибких ракушек, которые переплелись между собой. Теперь он будет выглядеть хотя бы солидно. На большее ему надеяться не приходилось.

В опочивальню влетел Звон, тоже успевший наскоро переодеться.

– Ты в этом пойдешь? – спросил он Луна, когда тот надел рубаху. Увидев, как сузились глаза консорта, Звон замахал руками. – Прости, молчу-молчу!

Лун пришел в Туман Индиго лишь с теми вещами, что были надеты на нем, и они уже тогда почти разваливались. Теперь же у него имелась и повседневная одежда, и наряды для особых случаев – то есть столько тряпья, сколько у него не было за всю жизнь.

– Ты выяснил, откуда они?

– Выяснил. Странное дело. – Звон стал беспокойно расхаживать по комнате, подтягивая свой кушак. – Первая королева – это Буря из Изумрудных Сумерек.

– Опять? – И правда странно. Разве что они прилетели извиниться за прошлый короткий визит. Или отомстить за него. «Но тогда они бы не привели консорта».

– Да, знаю, ерунда какая-то. – Звон растерянно всплеснул руками. – Вторую королеву зовут Зефира, она – королева-сестра Закатных Вод и вроде как родственница Бури. Кажется, дочь консорта из Изумрудных Сумерек, возможно, брата Вечера, которого отдали правящей королеве Закатных Вод.

Лун постарался все запомнить, вдруг пригодится в разговоре. К счастью, консортам во время таких визитов почти не приходилось открывать рот. Однако побеседовать с другим консортом ему, скорее всего, придется. «Главное, не подерись с ним», – наказал он сам себе.

Звон продолжал:

– Но я ума не приложу, зачем с ней прилетела Буря. Двор Закатных Вод хорошо известен, и представлять их не нужно. Да и они наверняка знают, что мы будем только рады заключить с ними союз.

– Разберемся, – сказал Лун. Он сложил руки на груди, сдерживаясь, чтобы не начать расхаживать по комнате вместе со Звоном. Его позовут еще нескоро. Сначала воинам дадут устроиться в приемном зале, потом королев проводят на верхний этаж, где они начнут обмениваться колкостями с Нефритой, затем появится Жемчужина, и лишь после этого они наконец пошлют за Луном. Хотя сегодня все могло пойти иначе: все-таки королев было две, да еще и с консортом в придачу, но...

– Лун? – В опочивальню вошла Флора. Она выглядела взволнованной, ее лицо пылало. – Тебя ждут в королевском чертоге. Прямо сейчас.

– Уже? – Звон уставился на нее. – Ты уверена?

Флора мельком зыркнула на него.

– Уверена. – Затем она снова обратилась к Луну. – Нефрита очень... напряжена.

– Понял. – Лун прикусил губу. Похоже, та стычка с Бурей вот-вот разрешится. «Вряд ли все настолько уж плохо. Если бы они хотели объявить нам войну, то не привели бы с собой консорта. Наверное». – Ну, я пошел.

Звон взволнованно сказал:

– Удачи.

Лун спустился по извилистой лестнице в зал, где консорты готовились к приемам, и, задержавшись в коридоре, заглянул в королевский чертог.

Все сидели у очага, наполненного свежими горячими камнями, от которых из-за влаги шел едва заметный парок. Вокруг были разложены подушки, и королевы-гости вместе с консортом сидели напротив Нефриты и Жемчужины. Были здесь и представители четырех каст арборов – Крестец, Душа, Бубенчик и Набат. Они сидели полукругом за своими королевами. Похоже, их тоже позвали только что. Одеты арборы были в шелковые балахоны, расшитые или расписанные узорами. Лун был потрясен – он редко видел Крестца и Набата не в потрепанных кожах и не в рабочей одежде. На горячих камнях стоял лучший чайник, а рядом дожидались своего часа чашки, покрытые голубой глазурью.

Все были в земном облике, кроме королев, которые остались в крылатом. На Нефрите и Жемчужине сверкали их лучшие украшения – браслеты, тяжелые ожерелья, кольца и серебряные пояса, украшенные большими плоскими камнями.

Напротив них сидели королевы-чужачки. Буря была с Нефритой примерно одного возраста, ее светло-голубую чешую покрывала золотистая паутинка. Зефира из Закатных Вод, сидевшая рядом, была старше, массивнее, и ее янтарную чешую покрывал зеленый узор. Консорт, маленький по сравнению с ними, сидел позади. На нем был темный балахон с капюшоном, который он так и не снял. Со своего места Лун видел, что руки консорта крепко сцеплены и лежат у него на коленях.

Сделав глубокий вдох, Лун шагнул в зал.

На один долгий, пугающий миг все обратили свои взгляды на него... а затем снова отвели их. Лишь когда он пересек половину чертога, Лун вдруг понял, что все молчат. Даже королевы не вели своих колких, оскорбительных бесед, которыми обычно проверяли выдержку друг друга. От арборов исходило беспокойство, и лишь Крестец оставался невозмутим, как скала.

Лун опустился на подушку рядом с Нефритой и устроился на ней поудобнее, стараясь не выглядеть при этом неуклюжим. Жемчужина повела шипами и начала по очереди представлять гостям Нефриту, Луна и четырех арборов.

К счастью, сейчас Лун не должен был ничего говорить. Он воспользовался свободной минуткой и попытался как бы невзначай разглядеть второго консорта, но тот смотрел вниз, и капюшон скрывал часть его лица. Лун смог понять лишь то, что консорт совсем юн и что у него светло-бронзовая кожа.

Он чуть пригнулся и склонил голову набок, пытаясь заглянуть под капюшон, но Нефрита ущипнула его за ногу, и Лун выпрямился. Гость точно не был консортом Бури, точнее, ее главным консортом, которого мельком представили Луну в Изумрудных Сумерках. Тот был с Луном примерно одного роста, так что сейчас перед ним сидел точно не он. Этот юноша, наверное, прилетел с Зефирой, и Лун счел это добрым знаком.

Когда Жемчужина закончила, Буря с нотками нетерпения в голосе сказала:

– Буря, королева-сестра Изумрудных Сумерек, и Зефира, королева-сестра Закатных Вод. Зефира приподняла шипы, словно подтверждая, что это действительно она, но, судя по виду, чувствовала она себя крайне неловко. Лун ждал, что она представит консорта, но этого не произошло.

Повисла тишина. Затем Жемчужина сказала:

– Думаю, мы все знаем, о чем пойдет речь.

Никто не ответил. Затем Буря заговорила, причем таким напряженным тоном, словно ей было невыносимо даже находиться с ними в одной комнате:

– Я привела Зефиру, как и обещала в прошлый раз. Она может доказать, что я не пытаюсь вас обмануть. – Глядя на Нефриту, она спросила: – Ты рассказала ему?

Лун выпучил глаза и вздрогнул, как от раската грома. Буря вряд ли говорила о ком-то из арборов, а кроме них в зале было лишь двое других мужчин. Он посмотрел на Нефриту.

Та приобнажила клыки, глядя на Бурю.

– Нет. Я же предупредила, что не стану ничего говорить.

Тогда Крестец негромко, но с нажимом произнес:

– Арборам тоже никто ничего не сказал. Может, наконец объясните, в чем дело?

Душа сдавленно, пристыженно ответила:

– Наши королевы просили меня молчать.

Крестец похлопал наставницу по коленке, как бы говоря, что не винит ее.

– Вот сейчас они сами нам все и расскажут.

Жемчужина лениво махнула когтистой рукой в сторону гостей.

– Это их рук дело, они пусть и рассказывают.

Зефира повернулась к Буре, которая все еще сверлила взглядом Нефриту. Смирившись, королева из Закатных Вод кивнула Крестцу и начала:

– Ваш консорт родом из двора, что находился далеко на востоке, у Абассинской губы. Из двора, который был уничтожен.

– Да. – Крестец нахмурился еще сильнее. Он мельком глянул на Луна, у которого заколотилось сердце. – Он был совсем птенцом и ничего не помнит.

Зефира кивнула.

– Когда в прошлом сезоне он гостил в Изумрудных Сумерках, правящей королеве Зиме показалось, что она узнала, из какого он рода.

Лун заставил себя сделать вдох и не зашипеть при этом. Крестец, Набат и Бубенчик с растущим смятением смотрели на него, но Душа сидела все так же, уставившись в пол.

Зефира продолжала:

– Тогда Зима ничего не сказала, потому что сомневалась. Она уже очень много циклов не посещала тот двор. Однако она отправила к ним воинов с посланием и спросила, не уходил

ли какой-нибудь из их родов на восток во времена Великого Исхода и не получали ли они в последние сорок циклов вестей от своих сородичей. Двор ответил, что да, один род действительно поселился на востоке, но там на них напали. Многие погибли, а выжившие вернулись домой, в родную колонию. Затем они поинтересовались, почему Зима спрашивает об этом.

Буря, видимо, потеряла терпение и рявкнула:

– Она хотела оказать вам услугу.

Лицо Нефриты было каменным.

– И как же здорово у нее получилось.

Зефира откашлялась.

– Зима отправила еще одно письмо и спросила, не было ли среди погибших маленького консорта по имени Лун. В ответ они написали...

Нефрита натянутым, как струна, голосом спросила:

– Чего они хотят?

Зефира сделала резкий вдох. Все еще обращаясь к Крестцу, она произнесла:

– Когда Буря прилетала в прошлый раз, она все рассказала вашим королевам. Зима думала, что тот двор предложит вам союз, ну или, в худшем случае, сделает вид, что никакого родства нет. Однако их ответ оказался... неожиданным. Зима пыталась договориться с ними, объяснить, что консорт уже нашел себе королеву и нет никакой нужды...

Буря прямо сказала:

– Они хотят его вернуть.

В зале повисла тишина, словно у всех разом перехватило дыхание. Крестец мрачно покачал головой, не веря своим ушам. У Бубенчика был такой вид, словно он не понимает и не хочет понимать, что происходит. Лицо Набата ничего не выражало. А Душа выглядела просто ужасно несчастной. Лун произнес:

– Скажите им, чтобы шли лесом.

Все повернулись и уставились на него так, словно с ними заговорил чайник. Словно они думали, что он будет сидеть молча и все проглотит. Лун повторил с большим нажимом:

– Скажите им, чтобы шли лесом.

Жемчужина уложила шипы. Нефрита потянулась к Луну, но он отдернул руку. Он кипел от ярости. Они солгали ему, *Нефрита* солгала, утаила от него *такое*.

Буря спросила Нефриту:

– Вы уже зачали выводок?

Нефрита сжала и разжала кулаки, но затем почти сдержанно ответила:

– Нет.

Буря откинулась назад и зашипела, отчасти разочарованно, отчасти недовольно.

– Что? – требовательно спросил Лун. – Какая разница, зачали мы выводок или нет?

Жемчужина сухо ответила:

– Будь у вас выводок, мы бы могли послать их лесом.

Зефира замялась. Переведя взгляд с Нефриты на Жемчужину, она сказала:

– Я понимаю, что вы думаете. Но вы же видели: у Изумрудных Сумерек столько консортов, что они не знают, куда их девать. Зима и подумать не могла, что хоть один двор захочет вернуть консорта, который уже нашел себе королеву и в целом неплохо устроился.

Лун спросил:

– Чего они хотят? Взамен меня? – Он вдруг понял, что его голос звучит на удивление спокойно, несмотря на ту бурю чувств, которая в нем бушевала.

Никто не ответил. Жемчужина произнесла:

– Ты... не совсем понял. – Нотки сочувствия в ее голосе чуть не добились Луна окончательно. – Мы не имеем права оставить тебя у нас.

Низким, сдавленным голосом Нефрита сказала:

– Нам придется полететь туда. Я официально попрошу их, чтобы ты стал моим консортом. Все будет хорошо. У них появился повод надавить на нас, и они решили им воспользоваться, вот и все. Не переживай.

«Вот и все. Не переживай». Подумаешь, это ведь такая малость – и поэтому Нефрита, Жемчужина и Душа лгали ему с прошлого прилета Бури. Лун посмотрел на другого консорта, который молча сидел за королевами. Если он принадлежал Зефире... «Они бы его представили. Они уже должны были его представить». Лун обратился к ней:

– А это кто? Он твой?

Зефира, не ожидавшая, что он с ней заговорит, дернула хвостом, но не ответила. Затем она выразительно посмотрела на Бурю.

Лун резко повернулся к Нефрите.

– Зачем его привели?

Она снова сжала и разжала кулаки и сказала:

– Ты все неправильно понял.

Лун зарычал, перевоплотился, одним прыжком очутился у края колодца и бросился вниз. Почти до самого дна он оставался в свободном падении и расправил крылья лишь в самый последний миг. Он приземлился на пол в приседе, перепугал воинов и арборов, которые бросились врассыпную, после чего промчался по узкому коридору, задел чешуйчатым плечом стену на повороте и выскочил из дупла.

Глава 4

Лун забрался высоко в крону исполинского дерева, туда, куда обычно не залетали другие, и повис на хвосте вниз головой. Ветви здесь были уже, толщиной всего в несколько шагов; они тянулись к небу и сплетались друг с другом в почти непроницаемый барьер. *Почти* непроницаемый. Когда дождь прекратился и в облаках образовался разрыв, Лун пролез между ветвями, чтобы полетать над лесом.

Он поднялся над облаками к яркому солнцу и стал греться в его лучах. Он долго кружил, прислушиваясь к далеким резким крикам небесных обитателей, что царили на этой высоте.

Когда солнце начало клониться к горизонту, облака снова сомкнулись, и Лун вернулся в крону дерева. Миновав барьер из ветвей, он оказался в глубочайшем сумраке, где скопились ключья тумана, которые скрывали нижние платформы от его взора. Он повис на ветви и стал прислушиваться к трелям птиц и болтовне древесных обитателей.

На закате снова пошел сильный дождь, и Лун неохотно решил, что пора возвращаться. Вода, барабанившая по листьям и древесине, не только досаждала ему, но и скрывала шорохи и запахи хищников, которые могли к нему подкрасться. Конечно, если Луна съедят, то все его заботы тут же исчезнут, но к такому решению он был пока не готов.

Лун начал спускаться вниз, прыгая с ветки на ветку. Приблизившись к стволу, он увидел пятно света – на этаже консортов сиял проем наружной двери. Раньше ее никогда не оставляли открытой.

Почему-то этот намек полностью лишил Луна спокойствия и душевного равновесия, которые он только-только смог восстановить. Раздраженно зашипев, он спрыгнул к дверному проему и приземлился на небольшой выступ перед ним.

Лун осторожно заглянул внутрь. На стенах играли теплые, красноватые отблески светящихся ракушек, а сама комната была пуста. Он зашел, с трудом перекатил на место тяжелую деревянную дверь и задвинул засовы. Сделать это в одиночку было непросто, и Лун, отдышавшись, ощутил, как на него наваливается усталость. В жизни ему приходилось совершать и более длительные полеты, чем сегодня, и даже на голодный желудок, но от переживаний он совершенно обессилел. Он принял земной облик, позабыв, что еще не обсушил чешую. Вода осталась на нем и намочила одежду, которая тут же прилипла к коже. Этого еще не хватало. Лун устало выругался и чихнул.

– Лун? – осторожно позвал его женский голос. Это была Река. Она выглядывала из коридора, который вел к опочивальням консортов, и с тревогой смотрела на него. – Не хочешь войти? Мы как раз заварили чаю.

Меньше всего Луну хотелось с кем-либо говорить. Наверное, это было заметно по его лицу, потому что Река поспешно ушла.

Лун прислонился к стене и потер висок – у него начинала болеть голова. Ему хотелось пойти в свою опочивальню и лечь спать, но, судя по шорохам и едва слышным голосам, остальные поджидали его где-то по пути.

Смирившись, он пошел по лабиринту пустых опочивален, оставляя за собой на гладком дереве мокрые следы. Из-за того, что дверь наружу все это время оставалась открытой, сквозняк натянул в комнаты влажный воздух.

Лун нашел остальных в небольшой гостиной, которая примыкала к четырем просторным опочивальням, в том числе к той, что принадлежала ему. Он настороженно остановился у входа, но внутри сидели лишь Звон, Песня, Корень, Флора и Вьюн. Они собрались у очага с горячими камнями. Все были в земном облике, и все тарасились на него. Более неловкой сценки трудно было и представить. Еще Лун заметил, как Река выскользнула из гостиной через проход напротив; видимо, она решила сказать Нефрите, что он вернулся.

Лун только собрался пройти мимо них в свою опочивальню, как Звон осторожно улыбнулся ему.

– Чужие королевы еще здесь, но они внизу, в гостевых покоях. Так что тебе не придется видиться с ними.

Лун не знал, что на это ответить, да и вообще слова Звона показались ему какой-то бессмыслицей. «Как будто, если я стану избегать чужих королев, это что-то изменит». Песня, будучи храбрее остальных, похлопала рукой по подушке, что лежала рядом с ней, и сказала:

– Лун, садись с нами.

Ее слова, похоже, разрушили чары, которые заставляли других сохранять неловкое молчание. Звон снова поставил чайник на горячие камни и прибавил:

– Да, проходи и садись. Снаружи, наверное, стало холодно, когда снова пошел дождь.

Вьюн вставил:

– Говорят, первый сезон дождей уже близко.

Флора поспешно подхватила:

– Но больших гроз не будет. Просто ливни, как сейчас, и чаще всего вечером.

Внезапно Лун ощутил сильный соблазн остаться. Весь день он молча кипел от злости, и ему вдруг очень захотелось просто посидеть тут, послушать, как другие говорят о погоде, и притвориться, будто ничего не произошло.

Он подошел и сел на плетеный коврик, отчего его одежда мерзко захлопала. Звон поспешно налил чай в чашку и поставил ее перед ним.

Когда Лун ее поднял, Звон прокашлялся.

– Мы хотели тебя попросить: ты можешь поговорить с новым консортом?

Лун уставился на него. Он был настолько потрясен, что потерял дар речи. Звон в это время разглядывал чайные листья на дне чайника, поэтому ничего не заметил и продолжил:

– Он умолял Бурю, чтобы та не оставляла его здесь. Мы все это слышали.

Песня неловко повела плечами.

– Представь, если бы тебя отправили ко двору, где тебе не рады.

Лун прижал руку к виску, сдерживая желание расхохотаться.

– А Луну и не нужно ничего представлять, – внезапно сказал Корень и укоризненно посмотрел на остальных. – Ему поначалу тоже никто не был рад, помните?

На миг повисла тишина. Все пришли в ужас от того, что он сказал. Затем Флора зашипела и попыталась отвесить Корню затрещину. Тот увернулся, перекатился и, оказавшись у двери, вскочил на ноги. Обеспечив себе путь к отступлению, он зашипел на всех.

– Все так и было, и вы это знаете!

Корень, как и многие другие, сначала хотел прогнать Луну, но затем сдружился с ним. Воин говорил все, что приходило ему на ум, и если раньше это всегда раздражало Луну, то на этот раз он был рад, что хоть кто-то озвучил очевидное.

Флора возмущенно поднялась с места и спросила Корня:

– Ты головой ударился, что ли?

Лун сказал:

– Оставь его в покое.

Его голос прозвучал сдавленно и хрипло. На секунду все замерли, а затем Флора опустилась обратно на коврик. Корень выскочил в коридор и был таков.

Молчание затянулось, но затем Звон упрямо продолжил:

– Кто-то же должен поговорить с новым консортом.

– Вот ты с ним и говори. – Лун осушил свою чашку и отставил ее в сторону. Теперь ему уже было не смешно.

Звон наконец поднял глаза и нахмурился.

– Я не могу. Так нельзя. Я же твой друг.

Лун поднялся на ноги.

– Придется тебе найти нового друга, – сказал он, прошагал мимо них и вошел в свою опочивальню.

Оказавшись внутри, Лун остановился. Он так редко бывал в этой комнате и теперь лишился ее. Лун подошел к корзине и вытащил оттуда старую одежду, которую ему нашла Тычинка в тот день, когда он явился ко двору: темную рубаху из мягкой ткани и крепкие матерчатые штаны. Эти вещи немного запачкались, их уже несколько раз штопали, и Лун надевал их, лишь когда вылетал поохотиться или на разведку. Все его пожитки были дарами, которые на самом деле преподносились не лично ему, а консорту Тумана Индиго. Однако от подарка бедной покойной Тычинки он отказаться не мог.

Лун переоделся и как раз развешивал свою мокрую одежду, когда в опочивальню вошел Звон.

– Почему ты так рассердился? – с напором спросил воин. – Ты его вообще видел? Он же совсем еще птенец! Ему, наверное, даже выводки пока рано делать...

Лун резко повернулся к нему, и Звон, отшатнувшись, испуганно замолчал. Луну пришлось стиснуть зубы, чтобы не перевоплотиться и не откусить воину голову. Он процедил:

– С этим пусть разбирается Нефрита. Завтра меня здесь уже не будет, и плевать я хотел, что вы все будете с ним делать.

Звон пораженно выпучил глаза:

– Что? Завтра? Куда ты...

– Завтра, послезавтра, плевать когда. – Лун сомневался, что Буря захочет задержаться в Тумане Индиго или что Нефрита с Жемчужиной ей позволят.

У Звона отвисла челюсть, и на лице проступил испуг.

– Ты не можешь уйти из-за такой ерунды! Лун, это же глупость! Оно того не стоит. – От бессилия Звон всплеснул рукой. – Ты просто не понимаешь; все совсем не так, как ты подумал. Даже если Нефрита возьмет второго консорта, это не значит, что ты ей больше не нужен...

– Замолчи, – огрызнулся Лун. Невероятно, но Звон, похоже, не знал, что произошло. Он смотрел на Луну с широко распахнутыми глазами, сбитый с толку и расстроенный. – Я сам никуда не уйду. Меня забирают в другой двор. Меня обменяли, Звон, на другого консорта.

– Что? – Теперь лицо Звона стало таким, словно Лун сошел с ума. – Нет, ты, наверное, что-то не понял.

Ох, как же Луну хотелось, чтобы он ошибался. Звон внимательно посмотрел на него, и его глаза стали еще шире.

– Но как же...

– Лун. – В дверях стояла Нефрита.

Лун отошел от Звона и отвернулся к очагу. Он ждал, что Нефрита рано или поздно появится, но не знал, что она ему скажет или что он сам хотел ей сказать.

Нефрита позвала его:

– Лун, пойдем со мной.

У него пересохло во рту, а затем он мысленно сказал себе не дурить. Сейчас они улететь точно не могли; снаружи было темно и шел дождь.

– Куда?

В ее голосе слышались нотки раздражения.

– В мою опочивальню, куда же еще?

В душе Луна вскипел гнев. Злился он в основном на себя за этот секундный испуг. Ведь то, что происходило сейчас, было мелочью по сравнению с тем ужасом, который он пережил в детстве, когда темной штормовой ночью боролся за свою жизнь. Он сказал:

– Зачем? Хочешь проследить, чтобы я не сбежал?

Шипы Нефриты встопорщились, и она шагнула внутрь.

– Хорошо, будем говорить здесь. Звон, проваливай.

Звон помедлил, но затем выскользнул за порог и убежал.

Нефрита подошла к Луну и остановилась в нескольких шагах от него. Она сложила руки на груди, но ее хвост продолжал подергиваться, показывая, насколько она взвинчена.

– Двор ничего не знает. Я попросила Душу и остальных пока помалкивать. Они решили, будто ты злишься из-за того, что Буря предложила мне консорта и я его приняла.

– Ты думаешь, они не заметят, когда я улечу? – Лун не видел смысла утаивать что-либо от двора. Раз уж главы каст арборов ничего не возразили, то воинов и подавно никто не станет слушать. Да и друзей среди них у Луна было не так уж много.

Нервные подергивания хвостом сменились гневным хлестанием из стороны в сторону.

– Лун, ничего страшного не произошло. Я полечу в Опаловую Ночь и официально попрошу их отдать тебя. Я смогу их уговорить, и мы вернемся домой. Обещаю...

«Опаловая Ночь», – подумал Лун. Он надеялся, что узнает название двора, но ничего не почувствовал. Оно ничего для него не значило.

– Если все так просто, то зачем Буря приволокла тебе консорта? Чтобы заменить меня?

– Никто тебя не заменит! – прорычала Нефрита. Сделав глубокий вдох, она продолжила: – Изумрудные Сумерки решили таким образом извиниться. Сначала Тишина опозорила их, а теперь, когда они попытались загладить вину, все стало только хуже...

– Ты знала, что они его приведут. Вот о чем Буря говорила с тобой в прошлый раз. Ты знала... – Лун замолк. «Браслет». Тот, который мастерили Злата и Смешок. Вот почему Злата так смутилась и почему вопрос Смешка позвучал так ехидно. «Они делали подарок для нового консорта». Лун ощутил, словно ему вонзили в сердце еще один нож.

Нефрита отвернулась и подошла к очагу. Это развеяло все сомнения Луна. Она негромко произнесла:

– Она прилетала, чтобы предупредить нас. Я не хотела тебе говорить. Я хотела... подождать.

Луну даже не пришлось спрашивать, чего именно она ждала. Все и так было ясно. Ведь гораздо удобнее держать его в неведении, чтобы он был смирным и послушным и оставался под боком, прямо в ее постели, пока не прибудет новый консорт. В памяти Луна один за другим всплывали все те мрачные дни, когда его вышвыривали из лагерей и городов земных обитателей; все те случаи, когда другие пользовались его желанием остаться; каждое крошечное предательство; каждый раз, когда кто-нибудь говорил: «Ты хороший работник, но...»

Шипы Нефриты дрогнули.

– Зефира говорит, что Опаловая Ночь – могущественный двор, самый крупный на западе Пределов. Она и Буря никогда там не были. Изумрудные Сумерки уже несколько циклов не торговали с ними, и Зима отправляла свои письма к ним через другие дворы. – Не выдержав его молчания, она прибавила: – Неужели тебе совсем не хочется познакомиться со своей семьей?

Зря она это спросила. «Ты – моя семья», – хотелось ответить Луну. Но это, похоже, уже было не так.

– Нет.

Она посмотрела на него и нахмурилась еще сильнее.

– Почему нет?

Лун прикрыл глаза и через силу подавил свой гнев, чтобы не ляпнуть чего-нибудь со зла. Было лучше, когда он считал, что его семья погибла, что он – последний отпрыск уничтоженного двора. Но теперь он узнал горькую правду.

– Скорбь несла на себе четверых маленьких арборов и одного птенца. Как думаешь, она далеко улетела от колонии?

Нефрита не ответила. Лун открыл глаза и увидел сомнение, промелькнувшее на ее лице. Она сказала:

– Нет, не далеко.

– Они могли отправиться на поиски. Они могли найти нас. Скорбь именно этого и ждала. Она несколько циклов ждала, что нас найдут.

– Возможно, они решили, что все погибли. Возможно, они опустили руки.

– Ни ты, ни Жемчужина не опустили руки. – Когда Скверны захватили старую колонию Тумана Индиго и взяли в плен большую часть двора, Нефрита и Жемчужина твердо решили, что освободят всех или погибнут вместе с ними.

– У нас с Жемчужиной не было родного двора, куда мы могли бы вернуться. – Нефрита с шипением выдохнула и отвела взгляд. – Ты не узнаешь, что тогда случилось, если сам у них не спросишь.

– Ты хочешь, чтобы я ушел. – Он почти озвучил то, что думал на самом деле, ту мысль, которая причиняла ему самую большую боль. Нефрита говорила, что все еще хочет завести выводок, и он ей поверил. Если бы она уже вынашивала его птенцов, то Луна бы никуда не отпустила. Но молодая королева наверняка поняла, что проблема в нем, что он ничего не может дать Туману Индиго и их будущему. Изгнать его из колонии или даже из собственной постели Нефрита не могла, ведь он помог двору вернуть семя, да и она многое ему обещала. Но теперь она могла с чистой совестью отправить его восвояси.

Ему бы стало немного легче, если бы Нефрита честно во всем созналась. Совсем немного.

Но она, словно рассерженная его глупостью, рыкнула:

– Конечно же нет. Королевы не отказываются от своих консортов.

– Королева Тумана от него отказалась. Иначе вы бы не появились на свет.

– Ты знаешь один-единственный сюжет из нашей истории и уже во второй раз тычешь мне им в лицо. – От гнева голос Нефриты снова стал жестче. – Я же говорю, что полечу следом за тобой и заставлю их тебя вернуть. Я не улечу из Опаловой Ночи без тебя.

– Следом?

Нефрита стиснула зубы.

– Буря категорически против того, чтобы мы летели вместе. Она считает, что так мы только сильнее разозлим Опаловую Ночь. Но я задержусь лишь на день.

Луну до боли хотелось ей поверить. Но он не мог. Доверия у него не осталось ни для кого.

– Ты несколько дней лгала мне. С чего мне верить тебе теперь?

Нефрита вмиг пересекла разделявшее их расстояние и схватила его за плечи. Ее когти пронзили шелковистую ткань и вонзились в его кожу, а ее лицо исказили обида и ярость.

– Ты хочешь, чтобы я сделала тебе больно? Хочешь возненавидеть меня? Тебе станет от этого легче?

Лун не дрогнул.

– Что бы ты ни сделала, легче мне уже не станет.

Он сказал ей правду, чистую и искреннюю, и его слова ошеломили Нефриту. Она отпустила его, отошла и уставилась в пол, словно надеясь прочесть на нем все ответы. Помолчав минуту, она тихо произнесла:

– Я обещаю: не пройдет и месяца, как ты вернешься сюда и снова станешь первым консортом.

Стоило ей сказать это, как Луна охватило страшное предчувствие того, что этому не бывать. Даже если Нефрита говорила искренне, он знал: ее обещания не сбудутся. Он спросил:

– Когда Буря хочет вылететь?

Шипы Нефриты опустились. Она хмуро посмотрела на него.

– Завтра утром, если дождь прекратится.

– Хорошо, – ответил Лун, прошел мимо нее и покинул комнату.

Той ночью он спал в пустой опочивальне Утеса. Одеяла на кровати все еще чуточку пахли праотцом, отчего Лун вспомнил их первое совместное путешествие, как они летели через горы и равнины к старой колонии Тумана Индиго и как его будущее было полно надежд.

* * *

Когда Лун проснулся, он сначала подумал, что начался самый обычный день. Он и Нефрита подумывали взять Звона, Елею и других воинов в висячий лес и денек поразминать там крылья, пока садовые платформы просыхают, – если, конечно, не начнется сильный дождь. «Дождь», – подумал Лун и все вспомнил.

Он лежал не шевелясь и прислушивался, но не к едва слышным шорохам и голосам, которые доносились из недр дерева, и не к журчанию ближайших фонтанов. Он пытался слышать стук капель, бьющих по стволу или по веткам, но не мог. Если дождь и шел, то совсем слабый. Значит, сегодня они улетят.

«Хорошо», – сказал Лун сам себе, по опыту зная, что затягивать с уходом не стоит, а то будет лишь тяжелее.

Однако сначала ему нужно было кое-что сделать. Он заставил себя вылезти из кровати Утеса и прыгнул на пол. Его голова болела, мышцы ныли. Он чувствовал себя таким уставшим, словно и не ложился спать. Прежде Лун видел, как поутру страдали земные обитатели, перебравшие перед этим выпивки или дури, но не думал, что от сильных переживаний может стать так же плохо.

Пошатываясь, он покинул опочивальню Утеса, прошел по коридору в гостиную и лишь там заметил, что он не один. У очага сидели Елея и Звон. Судя по одеялам, скомканным на полу, они спали здесь. Елея с рассеянным, несчастным видом, смотрела на горячие камни и тянула себя за локон волос. Звон, съезженный, сидел рядом с ней и сонно хлопал глазами; он, судя по виду, тоже почти не спал.

Когда Лун остановился в дверях, они подняли головы. Елея открыла было рот, но не успела она сказать и слова, как Звон вскочил на ноги и выпалил:

– Я не знал. Мы не знали.

Лун кивнул. Теперь это было уже неважно.

– Где новый консорт?

Звон заколебался, но Елея указала на один из проходов.

– Там, в третьей опочивальне прямо по коридору.

Лун прошел мимо них и направился в ту сторону.

Ему казалось, что раньше в этих пустых комнатах было темнее – видимо, кто-то из наставников обновил чары на светящихся ракушках в этой части этажа. Он дошел до третьей опочивальни и остановился в дверях. Молодой консорт уже проснулся и сидел на коврике у чаши с горячими камнями. Он был одет в тот же темный балахон, что и вчера, но на этот раз капюшон был откинут. Консорт сутулился и обнимал себя руками, хотя в комнате было довольно тепло. Ему выделили хорошую, просторную, но почти пустую опочивальню; из вещей в ней были лишь одеяла, стопкой сложенные под висячей кроватью, и небольшая груда тюков и сумок, кинутых у стены. Судя по всему, комнату убирали в спешке, оставив на полу несколько сухих листков и влажных пятен. Едва Лун переступил порог, консорт поднял голову и выпучил глаза. Затем встал на ноги.

Звон не соврал: их новый член двора был еще совсем молодым, по-детски тощим, но при этом широкоплечим. Лун подумал, что он уже, наверное, вышел из подросткового возраста, хотя и совсем недавно. Его бронзовая кожа была чуть светлее, чем у большинства окрыленных Изумрудных Сумерек, волосы – золотисто-русые. Рядом с ним Лун чувствовал себя громадным

и неуклюжим, словно в нем вдруг оказалось слишком много костей и торчали они не оттуда, откуда надо.

Лун спросил:

– Кто ты? – Молодой консорт лишь непонимающе уставился на него, и Лун пояснил: – Как тебя зовут?

– Э-э-э... – Юноша прокашлялся и выпалил: – Я – Уголек из Изумрудных Сумерек, из рода Бури и Пепла.

Лун спрашивал его имя, а не родословную, но консо́ртов обычно представляли именно так. Наверное, Буря хотела польстить им, предложив консорта из собственного выводка, но до сих пор отношения с ее отпрысками у Луна как-то не задавались.

– Ты брат Золы?

– Нет, мы не... Ну, только наполовину... – Уголек резко вдохнул, будто собираясь с духом. – Пепел родился с больным сердцем, и наставники не могли его исцелить. Они сказали, что его детям болезнь не передастся, поэтому, когда он вырос, Буря сделала его своим вторым консортом, чтобы он мог продолжить род. Однако они успели родить лишь один выводок, а потом Пепла не стало. – Страшно смутившись, Уголек опустил глаза. – В выводке был только я и четверо воинов. Но мы все здоровые.

Лун потер глаза и негромко выругался. «Взрослый, здоровый, и детей уже делать может, но в душе еще птенец птенцом». Птенец, которого любили и баловали – ровно до тех пор, пока не оторвали от родных братьев и не отправили в чужой двор с ужасной репутацией. Лун, будучи в его возрасте, учился подолгу притворяться земным обитателем и постоянно рисковал жизнью. Или узнавал, что можно на время расположить к себе других, переспав с ними. А еще пытался смириться с тем, что нигде не будет в безопасности и кто угодно может ударить ему в спину.

Лун почувствовал себя невыносимо уставшим и сказал:

– Если не хочешь торчать здесь один, спустись по западной винтовой лестнице в самый низ, к приемному залу. Прямо под ним находится чертог учителей. У них там всегда есть еда, и они о тебе позаботятся. – Лун не сомневался, что учителя лишь раз посмотрят на Уголька, и тут же возьмут его под свое крыло. Ведь они позаботились даже о Луне, о диком, никому не нужном одиночке. Ему вдруг показалось, что с тех пор прошла целая вечность, а не чуть больше половины цикла.

Уголек поднял глаза, настороженно, но с надеждой. Лун отвернулся, больше не в силах этого вынести.

Он уже почти ушел, когда Уголек произнес:

– Вечер сказал мне, чтобы я тебя не боялся.

Лун замер. Он вдруг горько позавидовал Вечеру – ведь его положению при дворе ничто не угрожало, и он был окружен столькими выводками, что, наверное, не помнил, какие породил он, а какие нет. Лун сказал:

– Вечер меня не знает.

Чтобы не возвращаться в гостиную, он ушел из опочивален задними коридорами. Оказавшись в открытой галерее, что нависала над этажом королев и центральным колодцем, Лун переменялся и прыгнул вниз. Он расправил крылья, замедляя падение, и приземлился на пол приемного зала.

У фонтана, вокруг чаши-очага, сидели воины Бури и Зефиры. Они с настороженным любопытством смотрели на Луна. Тот, не обращая на них внимания, спустился по лестнице в чертог учителей. Там у очага сидели несколько арборов, но Лун, чтобы никто не успел с ним заговорить, быстро проскочил мимо них и спешно зашагал по коридору к яслям.

У входа, украшенного резными изображениями играющих малышей, он остановился и принял земной облик. Заставить себя переступить порог и войти оказалось очень трудно.

За дверью открывался низкий, но просторный и хорошо освещенный зал, к которому примыкал целый лабиринт комнатушек поменьше. То тут, то там били маленькие фонтаны, в которых можно было умываться и резвиться, но нельзя утонуть. Почти все птенцы и маленькие арборы еще спали, свернувшись в гнездышках из шкур и одеял на полу.

Кора, все еще растрепанная ото сна, шла по залу, неся в руках корзину. Заметив Луна, она замерла и уставилась на него.

– Ой, Лун. Я...

– Мне нужно увидеть королевских птенцов.

Она помедлила, но не стала спрашивать зачем. Видимо, за ночь все уже все узнали.

– Они спят, но... – Кора прикусила губу. – Да. Пойдем.

Она провела его в одну из маленьких комнат, примыкавших к главному залу. Трое птенцов спали на груди одеял, окруженные корзинами, тряпичными куклами и фигурками травоедов, выточенными из дерева. Кора присела рядом с гнездом и легонько потрясла детей, чтобы те проснулись. Взяв на руки двоих птенцов-воинов и одного крошку-арбора, она унесла их, не обращая внимания на сонные возражения.

Оставшиеся Стужа, Шип и Горький сели и заморгали, зевая. Маленькие консорты, оба в земном облике, были одеты в старые, поношенные рубахи, а Стужа была в облике арборы, отчего ее шипы и гребешки казались необычно короткими. Несмотря на ранний час, они не удивились приходу Луна, и Горький сразу же попытался забраться к нему на колени и снова лечь спать. Однако Лун усадил его обратно между Стужей и Шипом.

– Я пришел сказать вам, что мне нужно на время улететь.

Стужа, все еще разморенная сном, тут же проснулась и начала возмущаться.

– Ты не можешь улететь. Кто тогда научит Горького летать?

– У меня нет выбора. – Лун сделал глубокий вдох и заставил себя говорить ласковее. –

Когда вернется Утес, он научит Горького.

Птенцы замолкли, явно испугавшись. Стужа неохотно уложила шипы.

– Кто-то опять украл семя?

– Нет, ничего такого не случилось. – Все остальные, похоже, уже позабыли про ту историю. Или забыли, что Лун тогда не просто летал с остальными за компанию, а помогал им найти и вернуть драгоценное семя. – Здесь с вами ничего не случится.

Ему казалось, что он хорошо скрывает свои чувства, но Стужа почему-то встревоженно переглянулась с Горьким. Похоже, они о чем-то без слов договорились, после чего маленькая королева повернулась к Луну и заявила:

– Если ты останешься, Горький будет летать.

Горький серьезно кивнул. Вид у него был такой, словно он ради общего блага идет на огромную жертву.

Лун потер глаза. «Ну, здорово, значит, все это время Горький притворялся, чтобы ему уделяли больше внимания». Казалось бы, куда уж больше – самый маленький из королевских птенцов и так в нем купался. Но, наверное, после всего, что он пережил, и этого было недостаточно. А Луну-то все время казалось, что у него получается воспитывать детей.

– Значит, Горький уже умеет летать.

Шип смущенно пожал плечами и усадил Горького себе на колени.

– Да, но у него не очень хорошо получается. В последний раз, когда он пытался, его поймали Скверны. Мы вернулись, чтобы его вызволить, а они поймали и нас.

Так вот в чем дело. Горький спрятал лицо, уткнувшись Шипу в руку. Луну пришлось на миг зажмуриться, и лишь потом он смог выдавить:

– Спасибо, что рассказали, но я же вам говорю – у меня нет выбора.

Шип внимательно смотрел на Луна и озабоченно нахмурился:

– Почему? Что случилось?

– Ничего. Мне нужно какое-то время погостить у другого двора. Я... – Лун хотел сказать, что скоро вернется, но столь простая ложь встала ему поперек горла. Он лгал всю свою жизнь, но это умение почему-то покинуло его в самый нужный момент. Он закончил: – Я не знаю, когда вернусь.

Стужа замотала головой, не желая ни услышать, ни понять его.

– Но...

– Все, мне пора. – Ему нужно было уйти поскорее, пока он не наговорил лишнего. Едва он собрался встать, как Горький прыгнул к нему на колени, чтобы обнять. Лун на несколько секунд прижал маленького консорта к себе, а затем заставил себя встать и уйти из яслей.

Наверх он поднимался по внутренней лестнице, чтобы не встретить никого по пути. Когда он дошел до этажа консортов, Звона и Елеи уже не было в гостиной. Лун не мог понять, рад он этому или нет.

Он вошел в свою опочивальню и начал рыться в корзине, размышляя, какие вещи точно ему понадобятся, если в другом дворе на него посмотрят и решат сразу же гнать взашей. Он нашел потрепанный заплечный мешок из кожи и положил в него нож, несколько огнив, запасную одежду, кушак, который ему сшила Река, скатанный в рулон бурдюк для воды и толстое одеяло. Пусть Лун пришел в Туман Индиго ни с чем, но ведь он помог им сразиться со Сквернами и вернул семя, а это должно было хоть чего-то стоить.

Поднявшись на ноги, он оглядел комнату. Несколько секунд поспорив с самим собой, Лун взял крошечную тряпичную куклу, которую для него сделал Шип. Она представляла собой простой скрученный кусок черной тряпки с толстым высушенным листком вместо крыльев, но он бережно уложил ее на дно мешка.

Золотой браслет консорта он оставил на краю очага.

Глава 5

Когда Лун спустился по внутренней лестнице в приемный зал, Буря и Зефира уже присоединились к своим воинам. Нефрита тоже была здесь, как и Елея, Звон и Душа. Арборы толпились на балконах верхних этажей, а воины свисали отовсюду, откуда открывался хоть какой-то вид.

Несмотря на это, в зале было тихо.

Пока Лун шел к королевам, те разговаривали. Зефира сказала:

– Нет, я не полечу в Опаловую Ночь. Я возвращаюсь к моему двору.

Нефрита склонила голову набок и в упор посмотрела на Бурю:

– Ты об этом ничего не говорила.

Буря ощетинилась.

– А ты и не спрашивала.

Шипы Нефриты приподнялись.

– И ты решила умолчать о том, что собираешься отправиться в это долгое путешествие одна, в компании лишь собственных воинов. И моего консорта.

– Ты думаешь, я воспользуюсь ситуацией? – Буря расхохоталась. – Не смей меня.

Лишь тогда Лун понял, о чем они говорят. Он остановился, сложил руки на груди и негромко зарычал. В тот миг ему хотелось больше никогда в жизни не видеть ни одну королеву раксура.

В тишине его рык услышали все. Разговор резко прервался, и все уставились на него.

Ехидно склонив голову набок, Зефира заметила:

– Почему-то мне кажется, что волноваться тут не о чем.

Нефрита повела шипами, как бы отмахнувшись от Бури, пересекла зал и остановилась перед Луном. Он думал, что она не заметит, но ее взгляд сразу же упал на его голое запястье. Нефрита взяла Луна за руку и провела большим пальцем по месту, где раньше был браслет. Затем она посмотрела ему прямо в глаза и мрачно сказала:

– Если ты, пока я лечу туда, примешь предложение другой королевы, я убью вас обоих.

Лун отвел руку. Ему не нравилось, что все выглядит так, будто это он ее отвергает, и он запретил себе так думать.

– Договорились.

Нефрита горько усмехнулась.

– А ты молодец. Ты только что одним словом оскорбил весь свой народ и нашу культуру. – Затем она подчеркнуто прибавила: – Я вылечу в Опаловую Ночь завтра на рассвете.

Луну до боли хотелось в это верить. Но весь его прежний жизненный опыт твердил ему, что это конец и он больше никогда не увидит ни Нефриту, ни остальных. Прошлое давило на него своей тяжестью, и, как Лун ни боролся с ним, ему казалось, что он тонет. Наконец он смог выдавить:

– Я буду ждать.

Повинуясь внутреннему порыву, Нефрита потянулась к нему, но Лун сделал шаг назад. Он больше не мог на нее смотреть и не мог прикоснуться. Он боялся, что если сделает это, то не сможет просто уйти, и его выволокут из колонии силой, а он тем временем будет орать, брыкаться и пытаться перегрызть Буре глотку. Нефрита помедлила, а затем уронила руку.

– Ты хочешь по... поговорить с кем-нибудь?

Она собиралась сказать «попрощаться». Хотя Лун не позволял себе посмотреть в ту сторону, он чувствовал на себе взгляды Звона, Елеи и Души. Но он не видел смысла прощаться. Если Нефрита не солгала, то он скоро вернется, а если все же нет... В общем, смысла Лун не видел.

– Нет.

Буря и Зефира направились к выходу из зала, который вел к дуплу, и Лун пошел за ними.

За все это время арборы и окрыленные не издали ни звука. Пока Лун пересекал зал, их взгляды и молчание жгли его. Он вдруг понял, насколько был наивен, ведь глубоко внутри надеялся, что кто-нибудь в последний момент выкрикнет: «Остановитесь!» Его горло сжалось, ему стало трудно дышать и захотелось... завывать от боли и горя, как это, наверное, делали обычные раксура.

Но Лун пересилил себя и вслед за чужими королевами покинул Туман Индиго.

* * *

Зефира повела своих воинов в сторону Закатных Вод, а Лун полетел с Бурей и остальными по зеленым просторам всячего леса.

В середине дня они попали под морозящий дождь, но ветер оставался несильным. Буря, чтобы не утомить медлительных воинов, летела не спеша, и Луну ничего не стоило поспевать за ней. Впрочем, он жалел, что перелет оказался столь легким – меньше всего ему хотелось оставаться наедине со своими мыслями.

Когда дневной свет начал угасать, Буря замедлилась и свернула к платформе, которая засела высоко-высоко в ветвях исполинского дерева. Там росла небольшая роща деревьев с ярко-зелеными кронами и белыми цветами, которые встречались в этом лесу довольно часто. Арборы называли их мягкоцветами, потому что эти растения окружали свои семена пушистыми мягкими шариками, чтобы ветер мог подхватить их и разнести по всему лесу. Сейчас семена как раз созревали и вся платформа была покрыта дорожками белого пуха.

Буря и ее воины приземлились в высокой траве на краю рощицы, подняв в воздух тучу легковесных цветков. Лун опустилса чуть поодаль, повел шипами, чтобы стряхнуть пушистые семена, и сложил крылья.

Остальные вошли в рощу, нашли место, где было меньше травы, и разбрелись в стороны, чтобы разведать окрестности. Рядом находился пруд, который подпитывался водопадом, стекавшим с одной из ветвей повыше. Лун отвернулся от рощицы и пошел к вытекавшему из пруда ручью, на берегу которого приметил поросшее мхом пятно.

По другую сторону пропасти, разделявшей гигантские кроны, стояло второе исполинское дерево. Его платформы были еще больше, некоторые густо поросли деревьями, другие же представляли собой просторные травянистые луга. Когда Лун присмотрелся, то заметил на нижней площадке движение и понял, что там бродит стадо мохнатых травоедов. Наверное, поэтому Буря и решила здесь остановиться.

Он оглянулся на лагерь. Трое воинов уже приняли земной облик; один копошился в походных мешках, другой раскладывал одеяла, третий наполнял бурдюк водой из водопада. Еще две воительницы остались в крылатом облике и встали на страже в ветвях деревьев с мохнатыми цветками.

Луну не хотелось перевоплощаться. Он и так кругом чувствовал опасность – от всячего леса и от своих спутников. Но его спина болела от полета и перенапряжения, и ему нужно было отдохнуть. Он неохотно принял земной облик.

Освободившись от тяжести крыльев, Лун испытал облегчение. Он потянулся, хрустя суставами, а затем сел рядом с ручьем. Приближения ночи он ждал с неохотой. Лун ясно дал понять, что хочет побыть один, и надеялся, что воины не станут к нему приближаться. Конечно, можно было избить одного или парочку из них до бесчувствия, и тогда они точно станут держаться от него подальше, но Луну не хотелось давать Буре повод удерживать его в земном облике.

Он смотрел, как разноцветные улитки ползут по древесине вдоль ручья, и вдруг ощутил, что кто-то приближается. Лун поднял голову, и увидел, что к нему идет Буря.

Он напрягся и приготовился к тому, чтобы перевоплотиться и тут же отпрыгнуть назад. Буря остановилась, опустила шипы и выставила перед собой руки со втянутыми когтями. Затем она чуть насмешливо произнесла:

– Тише, я всего лишь хочу поговорить.

Лун неохотно уселся, все еще внимательно следя за ней. Она подошла ближе, остановилась в пяти шагах и села на пятки, чтобы не смотреть на него сверху вниз. С сомнением в голосе она сказала:

– Мне трудно поверить, что ты успел так привязаться к Туману Индиго за столь короткий срок.

Лун оскалился без намека на улыбку.

– Да, жизнь там не такая захватывающая, как в Изумрудных Сумерках. Не хватает королев-сестер, которые бы плели интриги и пытались захватить власть при дворе.

Буря стиснула зубы, и ее шипы дрогнули, когда она с трудом подавила желание поднять их. Она отвела взгляд. Прошло несколько секунд, королева выдохнула и щелчком сбила с себя шарик мягкоцвета.

– Что ж, я сама напросилась, – сухо произнесла она. – Но я и поплатилась за это сполна. У меня не так много сестер, и мне было больно потерять одну из них. Даже ту, которая меня ненавидела.

Однажды воины и арборы Тумана Индиго летали в Изумрудные Сумерки, чтобы поторговать с ними. Вернувшись, они принесли слухи, что Зима решила изгнать Тишину после того, как та пыталась подставить Бурю и Золу. Тишина отказалась уходить, и Буре пришлось сразиться с ней насмерть. Лун, конечно, сочувствовал Зиме и Вечеру, но в целом считал, что Тишина получила по заслугам. А еще он думал, что Буря заслуживает искреннего ответа, и потому сказал:

– Мне плевать.

Его ответ удивил ее, и она посмотрела на него, приподняв брови.

– А ты не из робких, да?

Лун лишь продолжал в упор сверлить ее взглядом. Хотя слова королевы не показались ему оскорбительными, он не сомневался, что они такими подразумевались. Консорты его возраста обычно бывали робкими тихонями, вроде Уголька, а не мрачными отшельниками вроде него. Будь Лун хоть капельку подозрительнее, он бы решил, что Буря нарочно выманила его из двора, чтобы убить и отомстить за Тишину. Но он оставил эти мысли, поскольку за прошедший день Буря могла прикончить его в любой миг, и никто, кроме ее воинов, не узнал бы об этом. К тому же им бы не пришлось так далеко лететь.

Не дождавшись от него ответа, Буря с досадой усмехнулась.

– В Опаловой Ночи ты собираешься вести себя так же?

Похоже, она считала, что он должен будет умолять их принять его. Лун знал, чем такое закончится.

– Мне больше сорока циклов от роду, а при дворе ракса я прожил всего шесть месяцев. Если ты думаешь, что я боюсь остаться один, то ты ошибаешься.

Буря нахмурилась. Сомнение на ее лице сменилось выражением, которое Лун не смог прочесть.

– Это твой родной двор. Самый крупный двор на западе Пределов. Неужели ты не видишь, какая возможность тебе представилась?

«Возможность для чего?» Лун не знал, зачем ракса Опаловой Ночи потребовали вернуть его. Может, им просто захотелось надавить на другой двор. Если они и правда были столь многочисленны, то и в лишних консортах не нуждались. Остайся Лун с ними, в лучшем случае

его отдадут какой-нибудь неизвестной королеве, которая вряд ли обрадуется бывшему дикарю и одиночке. А в худшем... Он не знал, что может произойти в худшем случае. Зато Буря, скорее всего, знала. Пристально глядя на нее, Лун произнес:

– Может быть, они не хотят, чтобы их род осквернял дикий одиночка.

Буря отшатнулась и возмущенно подняла шипы.

– Что ты такое говоришь?

– Они оставили меня умирать в лесу, когда я был еще птенцом. Откуда мне знать, что они не хотят завершить начатое?

Буря зашипела и одним плавным движением вскочила на ноги. Ее шипы презрительно топорщились.

– Если ты действительно веришь, что такое вообще возможно, то ты ничего о нас не знаешь.

Лун свирепо смотрел на нее исподлобья.

– По-моему, я знаю о вас слишком много.

Буря хлестнула хвостом, присела и взмыла ввысь. Двумя могучими взмахами она поднялась на ближайшую ветвь исполинского дерева. Поднятый ее крыльями порыв ветра сшиб бы Луна с ног, не будь он к этому готов.

Из цветущей рощи на него тарасились укрывшиеся там воины.

Лун вздохнул и брызнул на улиток водой. Судя по всему, он победил, но особой гордости от этого не испытал.

Позже Буря отправила двух воинов к соседнему исполинскому дереву, чтобы те поймали травоеда. Воины поделили мясо на всех, и Лун заставил себя поесть, хотя голода не чувствовал вообще. Когда наступила ночь, снова пошел дождь, и воины соорудили две палатки из тонкой материи. Ткань была пропитана соком какого-то дерева и не пропускала влагу.

Буря и две воительницы, Звезда и Награда, заняли один шатер, а Луну вместе с двумя другими окрыленными приказали укрыться во втором. Пятого воина оставили дежурить, и остальные должны были сменить его ночью.

Лун забрался в укрытие, когда совсем стемнело. Двое воинов, Рывок и Шквал, уже заняли себе место по одну сторону палатки. Что ж, хорошо, Луну хотя бы не придется смотреть на них, хотя от запахов незнакомых окрыленных ему становилось тревожно. Он слишком долго пробыл в Тумане Индиго, где все стали для него «своими», даже те, кого он недолюбливал.

Когда Лун присел и стал ощупывать землю в поисках места посуше, Рывок произнес:

– И ради этого консорта Тишина была готова убивать? Что-то я не впечатлен.

Шквал с усмешкой зашипел.

– Наверное, он научился всяким штучкам, пока жил с земными обитателями.

Лун нашел мягкое, почти сухое место и улегся. Он подумал о том, насколько невыносимым такое отношение могло бы показаться робкому консарту вроде Уголька, и сказал:

– Если вы меня во сне хоть пальцем тронете, я убью вас обоих. А потом скажу Буре, что на вас напал брюходер. – Он подался вперед и выразительно прибавил: – И выглядеть вы будете так, будто на вас напал брюходер.

Рывок и Шквал испуганно замолкли. Лун свернулся, поджал ноги, положил под голову походный мешок и уснул.

* * *

Следующие три дня пути прошли точно так же. Ночи были дождливыми, проводили они их в тесных, ненадежных укрытиях, и отдыха никто не получал. После первой ночевки Рывок и Шквал стали относиться к Луну настороженно, но с уважением. Они сторонились его, Лун не обращал на них внимания, а Буря заговаривала с ним только по необходимости. Луна это

вполне устраивало, и жалел он лишь о том, что у него оставалось слишком много времени на размышления.

А думал он в основном о том, что скоро может снова остаться совсем один. Если его дурные предчувствия окажутся верными и Нефрита за ним не прилетит, то ему придется как можно скорее покинуть Пределы. Раксура, жившие одни, считались одиночками, которых изгнали из двора за какой-нибудь страшный проступок. А консорта-одиночку наверняка сочли бы убийцей, или каннибалом, жрущим земных обитателей, или еще кем похуже. Лучше ему поселиться в каком-нибудь земном городе или, например, на Золотых островах.

Какое-то время Лун поразмышлял над тем, чтобы отправиться на восток, к Желтому морю. Там он мог спросить у Делина или Нирана, не пригодится ли им в экспедициях и торговых путешествиях раксура. Но путь туда лежал неблизкий, и проделать его в одиночку было нелегко; а если он все же доберется до островов и выяснит, что там нет для него места... О таком и думать не хотелось.

К тому же Цветика в последние минуты своей жизни просила Луна не отворачиваться от раксура и дать им шанс. Когда он давал ей это обещание, то не знал, как трудно ему будет его сдержать.

* * *

На четвертый день они остановились, чтобы поохотиться на больших травоедов, которые обитали на одной из платформ. Точнее, охотиться собрались все, кроме Луна, поскольку остальные ясно дали ему понять, что помощь им не нужна. Поэтому он растянулся на ветви, задремал и не видел, что произошло, пока его не разбудили крики.

Он резко сел и увидел, как стадо травоедов, тряся мохнатыми задами, убегает прочь и исчезает среди деревьев, что росли на противоположном краю платформы. А ближе к Луну Рывок пытается вырваться из хватки темно-зеленой твари, похожей на гигантскую жабу. Тварь вылезла из норы, спрятанной в густых зарослях мха, и схватила воина за ногу. Награда, молодая воительница, стояла на земле и уворачивалась от ударов жабы, которая замахивалась на нее свободной лапой, пытаясь ударить когтями по лицу. Однако воительница что-то не рассчитала, и тварь могучим ударом отшвырнула ее в сторону. Рыча, Лун выругался, спрыгнул с ветки и, взмахнув крыльями, изо всех сил помчался вниз. Он подумал: «Вот что случается с безмозглыми воинами, которые не умеют осторожно охотиться».

Он приземлился на чешуйчатую спину твари и выпустил все когти. Тварь взревела, уронила Рывка, которого старалась засунуть себе в пасть, и попыталась достать Луна. Он резко поднял крылья, чтобы защитить голову, расправил шипы и нашел то, что искал – мягкое, незащищенное место прямо под кромкой черепа. У земных хищников оно обычно имелось. Жаба схватила Луна за шипы как раз в тот миг, когда он вонзил когти в мягкую шкуру и разодрал что-то похожее на артерию.

Хватка твари ослабла, она вздрогнула под Луном, а затем обмякла. Лун спрыгнул с нее, потом осторожно обошел тело, проверяя, не жива ли она. Увидев, что глаза жабы остекленели, он повернулся посмотреть, что стало с Рывком и Наградой.

Буря и остальные только подлетели и опускались на землю. Рывок стоял над Наградой, а та лежала ничком на примятой траве, приняв земной облик. Она жмурилась и стискивала зубы, а ее лицо искажала гримаса боли. Лун одним прыжком очутился рядом и понял, что она вывихнула правое плечо. Он сочувственно зашипел – о повреждениях крыльев Лун знал больше, чем хотелось бы. Судя по всему, от удара воительница ненароком перевоплотилась, отчего травма стала еще хуже. Кости, похоже, не сломались, но ушибла она их серьезно.

– Ты ранен? – спросила Буря у Рывка.

Тот с несчастным видом помотал головой.

– Награда пыталась мне помочь и ее задело. Консорт...

– Я видела, – прервала его Буря. Затем она с каменным лицом посмотрела на Луну. –

Ты в порядке?

Лун тряхнул шипами.

– Да.

– Она не может лететь дальше, – сказала Звезда. От боли у Награды начались рвотные позывы, и Звезда поспешно присела рядом, чтобы та могла на нее облокотиться. Затем она взволнованно посмотрела на Бурю. – Ей нужен наставник.

Буря кивнула и повела шипами.

– Недалеко отсюда есть двор Бирюзового Моря. Мы сможем добраться туда до темноты. Полетим к ним.

Лун предложил:

– Я могу понести ее. – Он хотел прибавить, что если он и Буря полетят вместе с Наградой вперед остальных, то окажутся в Бирюзовом Море вдвое быстрее.

Однако Буря резко ответила:

– Нет. Мы сами заботимся о своих.

Лун, оскорбленный, сдержался, чтобы не зашипеть.

– Ладно. В следующий раз я позволю хищникам их сожрать.

Буря пропустила его слова мимо ушей, но воины угрюмо переглянулись.

Когда они полетели к Бирюзовому Моря, Буря сама понесла Награду, и Лун вскоре сообразил, почему она так рассердилась. Буря не смогла позаботиться о своих спутниках, а Лун смог. Будь он сам воином, пусть даже из чужого двора, никто бы и бровью не повел. Но он был консортом, который находился под защитой Бури и явно в этой защите не нуждался.

Нефриту это никогда не беспокоило, или же она просто не подавала виду. Может быть, в Тумане Индиго это было неважно и все успехи консорта Нефриты считались ее успехами, поскольку это она его выбрала.

Как же здорово, что он наконец во всем разобрался; только жаль, что поздно.

* * *

На полпути к Бирюзовому Моря начался сильный дождь, и они прилетели туда уже затемно, ориентируясь по огням колонии. Та располагалась не в исполинском древе, а была выточена в узловатом деревянном наросте, который ютился в ветвях исполинского терновника. Терновник был не такой большой и не такой колючий, как тот, в котором обитали Изумрудные Сумерки, но лететь через него в темноте было непросто.

Когда они добрались до посадочной площадки у главного входа в колонию, двор уже знал об их приближении, и наружу вышли воины и арборы. К счастью, по сравнению с некоторыми другими дворами, раксур Бирюзового Моря оказались вполне вменяемыми. Едва воины увидели, что среди гостей есть раненые, правящая королева сама спустилась к ним, чтобы приветствие прошло как можно скорее, и уже через несколько минут их проводили в просторный приемный зал, вырезанный в древесине. Награду увели заботливые наставники, и Звезда пошла вместе с ней.

Лун стоял в сторонке, пока королева Бирюзового Моря и Буря завершали приветствие. Ему подумалось, что колонию основали относительно недавно – приемный зал выглядел скромно и вмещал в себя всего два высоких этажа с четырьмя выходами, а резьба на стенах казалась в свете зачарованных огней совсем свежей. Потолок негусто увивали цветущие лианы, но ни фонтанов, ни водопадов нигде не было.

Хотя двор и был маленьким, он, похоже, процветал. Воины и арборы, толпившиеся в коридорах и глазевшие на гостей, в земном облике почти не отличались от раксур из Тумана

Индиго и Изумрудных Сумерек: у большинства была бронзовая или медная кожа и темные волосы, но местами Лун замечал красновато-русые копны.

Он лишь надеялся, что им предложат ужин, все-таки они уже два дня не ели сытно. Лун принял земной облик вместе с воинами, отчего его одежда промокла, и он чувствовал себя чумазым и уставшим. Со скучающим видом он водил пяткой по гладкому деревянному полу, и вдруг осознал, что все вокруг замолкли. Лун поднял голову и увидел, что воины и арборы Бирюзового Моря выжидающе смотрят на него. Амаранта, их королева, кивком указала на Луну и спросила у Бури:

– Это твой консорт?

– Нет. – Буря напряглась, но смогла не выдать, насколько эта мысль ужаснула ее. – Мы сопровождаем его в Опаловую Ночь.

Амаранта была старше и крупнее Бури. Один ее шип дрогнул, и обстановка в зале стала ощутимо менее дружелюбной. Лун подумал, что теперь, когда о раненой воительнице позаботились, королевы вспомнили, что они – раксура, а значит, должны ненавидеть друг друга с первого взгляда. Амаранта спросила:

– Полагаю, у него есть имя?

Буря тоже дернула шипом.

– Он – Лун из Тумана Индиго.

Амаранта шагнула к нему; Лун вздрогнул, подался назад и приготовился бежать к выходу. Однако королева остановилась и принялась.

– У него есть королева. – Она склонила голову, снова посмотрев на Бурю. – И это не ты.

Буря поморщилась.

– Долго рассказывать.

Амаранта уложила шипы и, явно пересилив себя, решила не оскорбляться таким ответом. Она сказала:

– Значит, сейчас мы сядем, и у тебя будет предостаточно времени, чтобы все нам поведать.

Лун мысленно застонал. Вечер обещал быть долгим, неловким и полным косых взглядов.

Их отвели в другой зал, поменьше. Там не гулял сквозняк, а посередине стояла большая чаша с горячими камнями. Под изгибом потолка бежала резная полоса, изображавшая цветы и деревья. Она выглядела более старой и завершенной, чем узоры в приемном зале.

Когда Лун стал искать, куда бы ему сесть, из-под потолка вылетел консорт, который опустился рядом с Амарантой. Ростом он был почти с нее. Несколько секунд консорт оставался в крылатом облике, позволяя гостям увидеть, насколько он огромен, а затем переменялся. В его земном облике Лун не увидел никаких явных признаков старости: его бронзовая кожа и темные волосы еще не начали сереть. Но его запястья и руки были украшены тяжелыми золотыми браслетами и обручами – символами того почета, с которым к нему относилась Амаранта. Консорт встретился взглядом с Луном, ясно давая понять, что он обращается только к нему, и произнес:

– Я – Кремень, первый консорт Амаранты. Не желаешь пройти в наш чертог?

Воин Бури по имени След, который стоял ближе всех к Луну, придержал его за руку, собираясь остановить. Лун отшатнулся от него и оскалился, когда След снова потянулся к нему. Буря зашипела на воина, едва сдерживая свою ярость и как бы говоря: «Ты меня позоришь». След, сбитый с толку, отступил.

У Луны появился выбор: пойти за незнакомым консортом из чужого двора или остаться здесь и слушать, как Буря и Амаранта обмениваются колкостями. Думать тут было нечего. Лун обошел Следа и направился вслед за Кремнем к ближайшему коридору.

Они прошли всего два поворота, когда консорт остановился и повернулся к Луну. В коридоре они были не одни – их окружило с десятков взволнованных арборов.

– Тебя украли? – прямо спросил Кремень.

– Что? – Лун не ожидал такого вопроса и выпучил глаза. Затем он сообразил, как все выглядело со стороны: консорты никогда не путешествовали с королевами, с которыми их не связывала брачная метка или родственные узы. Лун даже пожалел, что его не украли – тогда он мог бы убить Бурю и остальных во сне и отправиться домой.

Несколько мгновений он испытывал соблазн сказать «да» и посмотреть, что будет. Но потом он решил, что Бирюзовому Морю это доставит больше неприятностей, чем Буре.

– Нет, – честно сказал он.

Видимо, колебания Луна прокрались в его голос, потому что Кремень с сомнением приподнял брови.

– Ты уверен?

Ответить убедительнее Лун не мог, и потому просто пояснил:

– Долго рассказывать.

Кремень кивнул. Поманив к себе одну арбору, он наказал ей вернуться в зал и передать Амаранте, что все в порядке. Затем он повел Луна в чертог консортов.

Чертог оказался уютным, хотя и не таким большим и роскошным, как покои консортов Тумана Индиго. Зал был маленьким, но благоустроенным, посередине лежали подушки, а по периметру располагались пять опочивален и умывальня.

Луну все равно пришлось все рассказать, но его, к счастью, сначала накормили, в то время как Буре и остальным наверняка пришлось долго и очень вежливо тешить разговорами задетое самолюбие Амаранты. Арборы принесли в чертог еду, и Лун поужинал с Кремнем и тремя другими консортами. Один из них принадлежал королеве-сестре, а двое других были еще свободны. Самый маленький, судя по виду, совсем недавно покинул ясли. Им подали чай, фрукты, хлеб и сырые бедрышки травоеда. В том, чтобы поедать свежееубитую добычу прямо в лесу, было свое очарование, но здесь Лун наконец смог расслабиться и отдохнуть. Он рассказал консортам правду, хотя и не стал уточнять, сколько циклов он жил на востоке один. Пусть лучше гадают, когда именно Туман Индиго нашли его.

Лун ждал, что его все равно спросят об этом, однако Кремень нерешительно произнес:

– И твоя королева тебя отпустила?

Ответить на это оказалось неожиданно трудно. Луну потребовалось немало времени, чтобы выдавить из себя «да». Кремень и консорт королевы-сестры переглянулись, а двое консортов помладше смотрели на Луна с широко распахнутыми, сочувствующими глазами.

Луну пришлось отвернуться; к его горлу подкатил ком, и у него сперло дыхание. Враждебность и презрение Бури и ее воинов он еще мог снести, но сострадание этих незнакомцев чуть не стоило ему самообладания.

* * *

Луну предложили провести ночь в одной из висячих кроватей, но он вместо этого лег на шкурах у очага в чертоге. Ему не хотелось оставаться одному, однако уж слишком тяжело ему потом давались расставания.

Чуть позже самый младший из раксуря решил, что его обошли вниманием, тоже спустился и втиснулся между очагом и Луном, прижавшись к его груди. От юноши все еще пахло птенцом, и у Луна сжалось сердце. Он думал, что не сможет уснуть, но вскоре провалился в дрему.

Так крепко он не спал с того дня, как покинул Туман Индиго.

* * *

В Бирюзовом Море они оставались три дня, дожидаясь, когда наставники разрешат Награде летать. Лун провел это время с консортами. Он летал с ними вокруг колонии, гулял по висячим садам их небольшого, но густого исполинского терновника. Ему рассказали о том, как эти раксуря мирно отделились от своего родного двора и основали новый в колонии, которая некогда служила охотничьим аванпостом. Выяснилось, что у них тоже есть праотец, но он почти все время проводит в старой колонии, и они редко видятся с ним. Днем и вечером к консортам приходили арборы, которые рассказывали разные истории и читали вслух. Лун даже начал подумывать, что, если его опасения оправдаются, ему все же стоит остаться в Опаловой Ночи. Если их консорты окажутся столь же дружелюбными, то ему вряд ли будет там плохо.

А если его опасения не оправдались, и Нефрита вылетела, как обещала, то она должна была уже на два дня их обогнать.

Чего Лун не ожидал, так это того, как сильно он будет скучать по Туману Индиго. Вся его жизнь была сплошной чередой расставаний, и в прошлом он уже встречал тех, по ком впоследствии страшно тосковал. Но на этот раз боль в его груди и не думала утихать, а каждая мысль о Нефрите, Утесе, Звоне, Елее, птенцах, Душе, Бубенчике, Толке, Реке, Коре, Крестце, Почке и других арборах причиняла ему сильнейшие страдания. «Это пройдет, – убеждал он себя. – Всегда проходило».

Но почему-то на этот раз все было по-другому.

Наконец на утро четвертого дня Лун неохотно оставил других консортов и присоединился к Буре и ее воинам. Буря бесстрастно кивнула ему, давая понять, что не забыла о его существовании. Ее воины выглядели угрюмыми. Похоже, их устроили с меньшими удобствами, чем Луна. Прежде чем он ушел из чертога консортов, Кремень сказал ему не волноваться и пообещал, что все будет хорошо. И хотя сам Кремень явно в это не верил, Лун все равно был благодарен ему за поддержку.

Наконец они снова отправились в путь, на запад.

* * *

Дождь шел каждый день; несильный, он не мешал им лететь в светлое время суток, но и по ночам не давал покоя. Они летели все дальше, и лес постепенно менялся; исполинские деревья росли все реже, а на земле между ними все чаще появлялись скалистые выступы. Эти выступы становились выше, пока не превратились в высокие столпы, которые вздымались до платформ висячего леса. Ветер и дождь обточили их, превратив в узкие спирали из темно-серого камня с серебристыми прожилками, которые ловили лучи света и отражали их радужной россыпью.

Буря неохотно признала, что прежде никогда не залетала так далеко на запад и теперь ориентировалась лишь по карте, которую ей показала Зима. Воины, которые тоже никогда не бывали в подобных местах, чувствовали себя не в своей тарелке. Лун маялся от безделья и собственных тревог, отчего начал рассказывать им о страшных созданиях, которых встречал в похожих краях и которые были бы не прочь полакомиться раксуря. Некоторые рассказы даже были правдивы.

Где бы они ни останавливались, Лун незаметно искал признаки того, что Нефрита уже обогнала их. Но он ничего не находил, а дождь скрывал любые запахи, которые она могла оставить. На одной из платформ, где Лун и его спутники остановились на ночь, они нашли следы лагеря, но тот был покинут уже несколько месяцев назад. Шквал покровырял остатки кострища когтями ноги и с надеждой спросил:

– Мы, наверное, уже недалеко? День-два лететь осталось?

Похоже, они приблизились к границе Пределов. В последний день исполинские деревья стояли совсем далеко друг от друга, а на платформах не росло почти ничего, кроме травы. На лесном ковре тоже виднелось больше каменных столпов, чем зелени, словно исполинские деревья медленно наступали на скалистую местность, но еще не успели захватить ее полностью.

– Мы быстро долетели, – согласилась Буря. – Возможно, доберемся до места завтра к вечеру.

Той ночью Лун не стал пугать воинов; он сам с ужасом и нетерпением ждал конца путешествия, и поэтому никак не мог собраться с мыслями.

Но на следующий день раздались раскаты грома. Они грохотали все утро и грозили помешать им двигаться дальше. А ближе к вечеру начался ливень.

Несколько часов они прорывались через него, а затем Буря приземлилась на ветку, укрытую кроной исполинского дерева. Повысив голос, чтобы перекричать шум ненастья, она заявила:

– Думаю, мы уже почти долетели. Можем найти укрытие или попытаться прорваться к колонии.

Звезда оглядела воинов, но не для того, чтобы узнать их мнение, а чтобы прикинуть, хватит ли им сил. Лун был гораздо выносливее их, но даже он устал лететь против ветра, так что остальные наверняка были почти измотаны. С воинов стекала вода, они стояли с опущенными шипами и, наверное, чувствовали себя ужасно, но с ног никто не валился. Звезда решила:

– Лучше проведем ночь в сухости.

Рывок и остальные согласно кивнули. Буря вопросительно посмотрела на Луну. Будь он один, то остановился бы, нашел укрытие и переждал грозу, но ему не хотелось показывать чужакам свои слабости.

Так что они полетели дальше под дождем. Лун надеялся, что они обгонят грозовые тучи, но те, похоже, накрыли половину Пределов. Дождь не стих и к вечеру, когда серый дневной свет начал угасать.

Лун засомневался в том, что Буря трезво оценила расстояние до колонии. Затем грянул гром, и белая вспышка озарила небо. Лун вздрогнул так сильно, что сбился с крыла, и ветер швырнул его вниз и в сторону. Сбоку промелькнула медная чешуя, и в него врезался один из воинов.

Повинуясь инстинктам, Лун сложил крылья, чтобы не переломать себе кости. Схватив брыкающегося воина за воротниковый гребень, он заорал:

– Перестань махать крыльями, идиот!

Воин поджал крылья и вцепился ему в руки. Это был Шквал, оглушенный и напуганный. Впрочем, окрыленному хватило ума обмякнуть и позволить Луну помочь.

Лун пару раз с силой взмахнул крыльями и остановил их падение. Его голова и кости все еще гудели от раската грома. Стряхнув с век капли дождя, он поискал остальных и увидел, что они яростно борются с ветром, а Буря развернулась и летит к нему. Она увидела, что Лун поймал Шквала, и указала на крону ближайшего исполинского дерева.

Все еще держа воина на руках, Лун последовал за ней и приземлился на широкой ветви в нескольких шагах от остальных. Воины дрожали. Лун поставил Шквала на ноги и, перекивая угасающий раскат грома, проорал:

– Нужно остановиться!

Буря подошла ближе, взяла Шквала за руку и посмотрела ему в лицо, чтобы убедиться, что он в порядке. Затем она одним крылом указала на юг. Ее голос был едва слышен за шумом ливня:

– Колония там, внизу!

Лун удивленно повернулся. В устье долины на фоне серого неба вырисовывались темные силуэты каменных столпов. Они росли из невысокого скалистого хребта, который замыкался

в гигантское кольцо, почти полностью заросшее лианами и небольшими деревьями. Внутри кольца стояло исполинское дерево, огромное, но страшно обезображенное. Давным-давно какая-то катастрофа расколола гиганта напополам, так что одна половина легла на хребет. Ветви бесформенной кроны все еще тянулись к небу, но под крутым углом, отчего они стали извилистыми, а в кроне образовались большие прорехи. Вторая половина ствола все еще стояла прямо, но, судя по голым ветвям, эта часть дерева уже давно погибла.

Разглядывая пейзаж, Лун не сразу сообразил, что в нем не так: ни в одной половине дерева не горели огни. Он не видел ни ровного золотисто-белого сияния зачарованных ракушек, камней или цветов, ни теплых отблесков пламени. Лун спросил:

– Ты уверена? Они там вообще живы?

Он не хотел язвить, но Буря, похоже, восприняла его слова именно так. В ответ она ощерилась и спрыгнула с ветви. Ее воины, еще не отдышавшиеся, не ожидали этого и запоздало кинулись догонять королеву. Лун сделал глубокий вдох и полетел следом.

Они приблизились, но Лун все так же не видел признаков жизни. Впрочем, пелена дождя мешала разобрать какие-либо подробности. Серый дневной свет почти угас, и когда они перелетели границу скалистого кольца, оно уже окуталось глубокими тенями. Вся растительность, которую видел Лун, была дикой, неухоженной и ничем не отличалась от буйного хитросплетения лиан, мха и молодых деревьев, которое устилало лесной ковер. Внутри скалистой чаши потоки ветра неожиданно меняли свое направление; землю здесь покрывали гигантские корни исполинского дерева, рощицы из деревьев поменьше и груды обрушившихся камней. В поваленной и все еще живой половине дерева Лун не видел ни намека на то, что оно обжито. Ни света, ни движения. Платформы в его ветвях густо заросли дикой зеленью и кренились от ее тяжести. Лун надеялся, что Буря знает, куда лететь, ведь чаша была размером с небольшую долину, и они не видели ни часовых, ни указателей, которые бы вели к посадочной площадке. Вообще складывалось впечатление, что гостей здесь не жаловали.

Наконец Буря спустилась по спирали к нижней части упавшего ствола и ушла в сторону. Следуя за ней, Лун заметил то же, что и она: там, где ствол опирался на скалу, находился темный проем, у которого сияли два маленьких огонька. «Здесь и правда кто-то живет», – подумал Лун.

Они спустились вниз, к платформе. Дерево частично вросло в скалистый хребет, и два зачарованных огня освещали круглую каменную площадку, которая выступала из-под ствола в том месте, где складки древесины обросли камнями. Дерево нависало над площадкой, отчасти укрывая ее от дождя, так что до пола долетала лишь мелкая морось.

Лишь когда его когти коснулись каменной плиты, Лун смог разглядеть, что находилось в тенях. Он увидел куски скалы, вплетенные в кору дерева, и высеченные в них изваяния. Тут и там из складок блестящей древесины торчали серые лица, руки, плечи, туловища. Свечение по обе стороны от входа исходило от каменных цветков лотоса. Было невозможно понять, кого изображали статуи – раксура или земных обитателей. Лун видел лишь малую часть хребта, отчасти погребенного под накренившимся стволом; однако теперь он стал гадать, что увидит, если очистить скалу от наросшей зелени: гладкий камень или террасы? Возможно, это старое исполинское дерево проросло среди еще более древних руин земного города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.